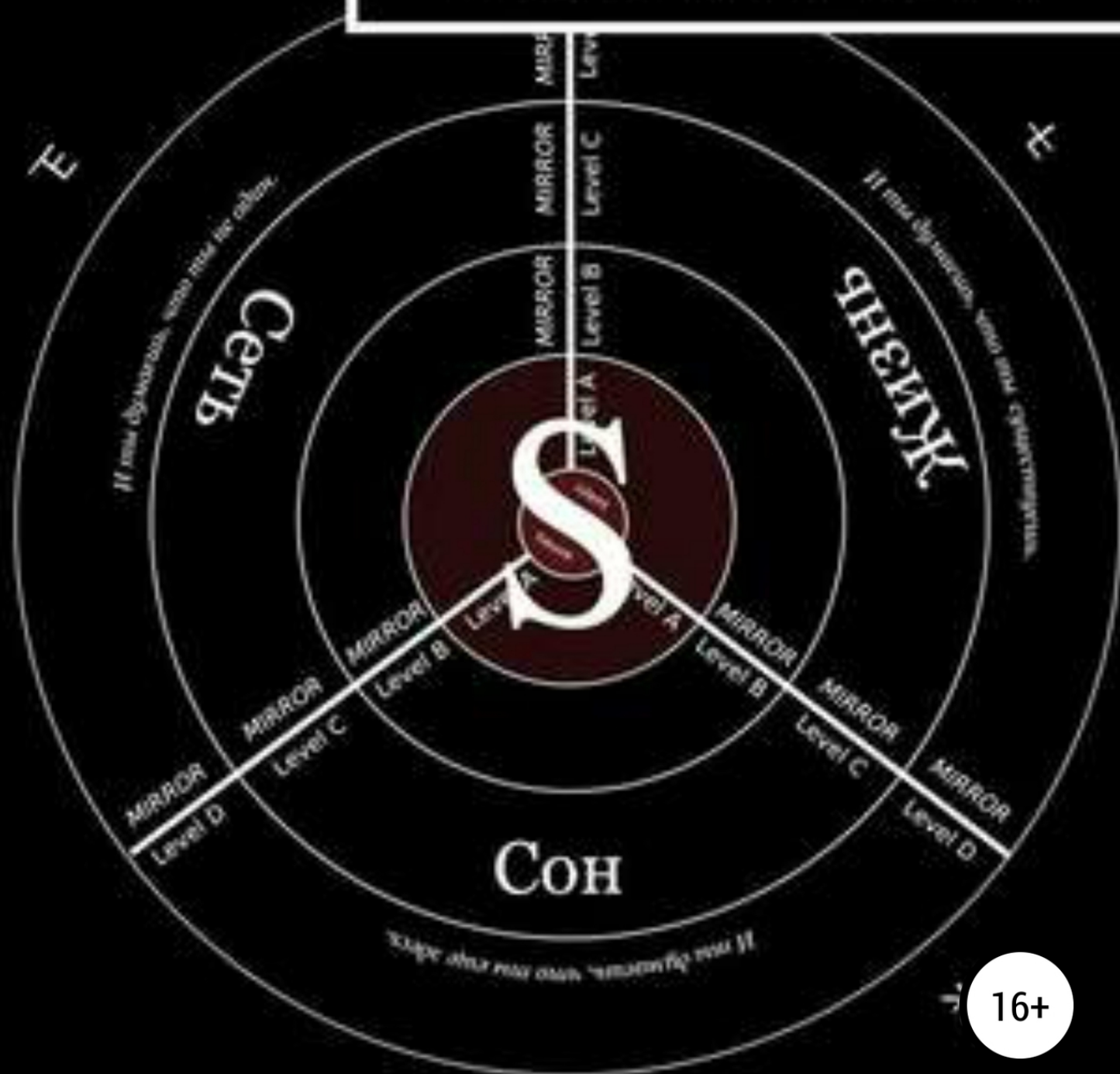

ЭЛЕОНОРА ПАХОМОВА

ТИХИЙ ДОМ

16+

Элеонора Пахомова

Тихий дом

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Пахомова Э.

Тихий дом / Э. Пахомова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Пытаясь проникнуть в тайну смерти пятнадцатилетней девочки, выпавшей с балкона многоэтажки, Замятин и Погодин натываются на след ультрасовременной эзотерической теории про Тихий дом. «Существует легенда об уровнях глубины и доступности сайтов. Чем глубже, тем опаснее. Самый низ, самый конец и самый пик — Тихий дом — являются точкой невозвращения в реальный мир», — гласит предание. Была ли смерть девочки самоубийством или виртуальная тропинка увела ее в Тихий дом — им теперь предстоит выяснить.

© Пахомова Э., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

ЭЛЕОНОРА ПАХОМОВА

#ТихийДом

Не все события и персонажи этой книги вымышлены. Но на всякий случай скажем, что любые совпадения случайны.

«Существует легенда об уровнях глубины и доступности сайтов. Чем глубже, тем интереснее и опаснее. На нижних уровнях это уже не просто сайты, они каким-то образом влияют на человека. Начинаящим нетсталкерам стоит знать, что после похода на нижние уровни нужно проводить тест на здравый ум.

Самый низ, самый конец и самый пик – Тихий Дом – являются точкой невозвращения в реальный мир. Тихий дом – это не сайт. Это состояние человека, прошедшего информационное перерождение. Попасть в Тихий Дом можно через сон, жизнь и сеть».

Wikireality.ru

Уровень доступа D

D – верхний уровень сети. Здесь находятся сайты, которые индексируются поисковиками и доступны каждому

пользователю Интернета.

Это то, что лежит на поверхности.

Уровень D. Глава 1

– Ирина Петровна, ну не мучайте вы меня. Ну нет оснований для возбуждения уголовного дела. Я вам в десятый, нет, в сотый раз уже, наверное, повторяю...

Майор полиции Иван Замятин говорил с трудом, преодолевая себя. По тому, как он сводит белесые брови, пряча взгляд, морщит лоб и краснеет разномастными пунцовыми пятнами, было видно, что он не врет: эта женщина, которая вот уже неделю поджидает его на крыльце МУРа и все смотрит на него день ото дня теряющей силу пустотой, действительно вызывает в нем муку. Иван Андреевич сделал над собой усилие – взглянул ей прямо в глаза, аккуратно сжал хрупкие плечи.

– ...в ходе проверки установлено – это было самоубийство. Я больше ничем не могу вам помочь. Дальнейшего расследования не будет. Не будет, понимаете? Вам незачем больше сюда приходить.

Однако эти слова, казалось бы, понятные, доходчивые, подействовали на вопрошательницу, как и в предыдущие дни, – никак. Будто не вердикт сейчас прозвучал, а бессмысленная подводка к основной речи. Ничто не дрогнуло в ней самой, не изменилось во взгляде. Она продолжала стоять перед следователем не шелохнувшись, как безвольная кукла, которую в вертикальном положении удерживают только большие ладони майора, и смотреть ему в глаза так, словно пытаясь перекачать в него по этому эфемерному каналу всю свою боль. Как ни странно, метод работал – Замятину чудилось, что ее боль, и правда, проникает в него холодной некротической субстанцией, которая расползается в организме, обволакивая все внутри чем-то стылым, раздражающим теплые мягкие ткани так, что они начинают садняще ныть. Он отвел взгляд, словно вырываясь из плена, и издал отчетливый звук, похожий на сдавленное рычание раненого зверя. «Бесполезно! Объяснять бесполезно! Когда уже закончится эта

пытка?» Он выпустил из рук ее плечи; с небольшим усилием, в котором все же чувствовалось раздражение, устранил ее с прохода и вошел в здание, шумно захлопнув дверь.

«Твою мать!» – Вместо приветствия выдал коллегам Иван Андреевич. Те понимающе переглянулись, вопросы задавать не стали – знали, что Ирина Лаптева ему всю душу вытрясла, и о том, что сегодня ни свет ни заря снова блокировала подступы к рабочему месту, тоже знали. Почему-то «жертвой» она выбрала именно Замятина и никого больше из рабочей группы. Остальные могли миновать ее пост беспрепятственно, хоть и виновато отводя глаза, повинаясь иррациональному необъяснимому чувству. Они могли бы смотреть прямо, зная, что соблюли все процедуры честно, и никакой вины ни за кем из них нет. Но почему-то перед матерью, которая лишилась единственной дочери и теперь металась в поисках ответа на вопрос, за что и почему, не понимая до конца, с кого именно его потребовать, каждый чувствовал себя причастным. Ведь каждый из них был частью этого мира.

Иван Андреевич посидел с минуту в тишине, буравя взглядом стену напротив, а потом хрястнул по столу кулачищем так, что в кружке жалобно забилась чайная ложка, отбивая о керамические стенки что-то вроде набата, а за своим столом вздрогнул младший оперативник Володя Сусликов.

– Володя, дай-ка материалы по проверке.

«Ну сколько можно, честное слово?! – мысленно взывал Иван Андреевич к кому-то невидимому, шурша листами и по новой вглядываясь в заученные почти наизусть строки. – Ну вот же, вот! Черным по белому на родном, понятном русском языке написано! Из показаний свидетелей (одноклассников и друзей погибшей): “Лиза была замкнутой, своеобразной...” Отчет судмедэксперта: “На запястьях и предплечьях обеих рук обнаружены многочисленные рубцы от порезов различной давности”. Кроме того, данные всевозможных экспертиз: траектория падения, характер травм и повреждений, показания опрошенных и данные с камер наблюдения – на балконе тринадцатого этажа злополучной многоэтажки Лиза была одна, пришла туда сама, и прыгнула тоже сама! Сама, черт подери! Она! Прыгнула! Сама!!!» Вот только записка, зажатая в руке мертвой девочки, была какой-то странной, не настолько однозначной, как все вышеперечисленные факторы. На тетрадном листе в клетку погибшая Лиза Лаптева вывела лишь два слова: «Тихий дом». Для предсмертного послания слишком лаконично, но кто знает, что за хаос царит в умах современных подростков. Замятин склонялся к версии, что «Тихий дом» – не что иное, как тот свет, в пользу которого Лиза Лаптева сделала свой выбор. И что со всем этим прикажете делать?

Иван Андреевич и так уже предпринял все, что мог: проверку проводил со всей тщательностью, не пытаясь сразу же списать смерть на самоубийство; всех, кого мог, опросил; всевозможные экспертизы инициировал; землю носом рыл. И все под обременяющей тяжестью этого молящего и обвиняющего материнского взгляда!

Жалко! Очень жалко! И девочку, и ее осиротевшую мать. Но это жизнь. Такая, чтоб ее, жизнь. Не всем она по зубам, не все от нее в восторге. Статистика – вещь упрямая, и она утверждает, что Россия на третьем месте в мире по числу подростковых самоубийств, этот показатель больше чем в три раза превышает средний по миру. Это без учета попыток самоубийства и списания добровольных смертей на несчастные случаи. Добровольных смертей в этой стране вообще больше, чем насильственных, – опять же статистика. Что он, Иван Замятин, может с этим сделать?

Так он уговаривал себя, бестолково пялясь на страницы, из которых ничего нового было не узнать. Аргументы хоть и казались убедительными, а отчеты по результатам проверки складными, комар носа не подточит, но отчего-то они не действовали на Замятина должным образом. Не успокаивали его, не убеждали в правильности принятых решений, отказывались ложиться идеальной гладью фрагмент к фрагменту. Это был тот особенный случай, когда его чуйка навязчиво свербела, несмотря на полноту приведенных оснований, и по опыту Замятин

знал – ей, язве, зубы не заболтаешь. А тут еще Ирина Петровна Лаптева со своими ежедневными визитами и два непонятно к чему написанных слова «Тихий дом». Ну твою же ж мать!

Уровень D. Глава 2

Ключ легко, как по маслу, вошел в скважину замка, пальцы рефлекторно прокрутили его вокруг оси два раза, раздался такой знакомый щелчок. Этот щелчок Ирина Петровна Лаптева слышала каждый день, много лет подряд, всегда, когда открывала и закрывала теперь уже старенькую, с обшарпанным дерматином дверь своей квартиры. Щелчок был привычным, он был константой.

Отныне на этом щелчке привычное в ее жизни заканчивалось. С недавних пор все-все, что находилось по ту и по эту сторону входной двери, стало другим – неузнаваемым, искаженным, пугающим. Перемена случилась вдруг, в одночасье, когда из динамика ее мобильного телефона до слуха донесся чужой казенный голос, назвавший ее по фамилии, имени и отчеству. Ей достаточно было услышать лишь: «Лаптева Ирина Петровна?!» в той особой вопросительно-утвердительной интонации, которой говорят официальные лица, чтобы мир вокруг стремительно начал меняться.

Никогда прежде к Ирине Петровне не обращались так, но странным образом даже впервые услышанная эта интонация не давала простора воображению – ее узнала не память, а нутро, – и вместе с ней в самую глубь материнского естества проник иррациональный цепенящий ужас, осознание беды. Собеседник не озвучил еще самого главного: «К вам обращается участковый уполномоченный полиции сержант Самойлов...», а перед ней уже поплыл морок, окружающее пространство поменялось в цвете, все, чего касался взгляд, подернулось патиной, пошло трещинами, будто из привычного мира Лаптеву выбросило в страшное неживое зазеркалье. На словах же «С вашей дочерью произошел несчастный случай. Вам необходимо приехать на опознание» мир вокруг изменился необратимо и окончательно. Навсегда.

И сейчас, когда дверной замок снова предательски лязгнул эхом ее прошлой, как она теперь понимала, самой счастливой на свете жизни, Ирина Петровна не находила в себе решимости перешагнуть порог. Ведь там, за дверью, ее поджидает очередная неистовая атака пронзительной боли при взгляде на то, что напоминает о дочери. С уходом Лизы эта боль как глупое, назойливое животное поселилась в ее квартире, всякий раз нетерпеливо поджидая возвращения хозяйки под дверью, чтобы наброситься. По форме боль походила на сюрикен – металлическую звезду с заточенными лучами, метательное оружие якудза. Маленький диск с причудливыми изгибами лопастей, который, поддавшись вращательной силе, превращается в мясорубку.

Каждый раз, когда Лаптева открывала входную дверь, в проеме возникала привычная картина. Раньше этот вид казался ей приевшимся до неразличимости, а теперь всякая мелочь и деталь сделались выпуклыми и броскими, обрели новый смысл. Прямо по курсу – коридор на кухню, бездверный арочный проем и стул, стоящий боком к столу и спинкой к стене. Именно он был с детства облюбован Лизой. Она взбиралась на него как на топчан, поджимая ноги – правую под себя, а левую ставила стопой на сидущку так, что худенькая коленка маячила на уровне подбородка. Возвращаясь с работы, Ирина Петровна часто заставляла ее на этом самом стуле – отворяла дверь и первым делом видела дочь в присущей ей позе, с кружкой в руке. Заслышав копошение в замке, Лиза поворачивалась на звук, и Ирина Петровна наблюдала быстрое движение длинной, тонкой, как у утенка, шеи, воздушный росчерк острого подбородка, взгляд серых глаз с васильковым рисунком на радужке.

Конечно, взрослея, Лиза менялась. С годами из улыбчивой девочки с ясной радостью в глазах она постепенно превращалась в задумчивого подростка. Внешне становилась выше и тоньше, светло-русые волосы, большую часть ее недолгой жизни заплетенные в косу или

распущенные по плечам, укладывались в разные, все более короткие стрижки, пока однажды Лаптева не увидела дочь с черным каре и ровной челкой до самых бровей. На этом контрасте васильковый рисунок на радужке засветился ледяной синевой.

Испугалась ли Лаптева такой перемены? Возвращаясь мысленно к тому моменту, она не могла ответить на этот вопрос. Она вообще плохо умела разбираться в собственных переживаниях, будто чувства ее – струны, которые, вместо того чтобы звучать по отдельности, издавая чистые ноты, были собраны в пучок и завязаны в один объемный тугой узел. По случаю этот узел раскачивался как колокольный язык, разнося внутри глухое «бум-бум». Вот и тогда он взволнованно дернулся из стороны в сторону, но Лаптева не поняла, что за струна растревожилась первой – испуг или удивление. «Это сейчас модно, мама», – заявила Лиза серьезно, и Лаптева заставила узел затихнуть. Авторитет дочери в их семье вообще в какой-то момент возобладал над ее собственным, будто они поменялись ролями, а Лаптева и не заметила, когда именно это случилось. «Я, наверное, слишком многого не замечала. Прости меня, девочка. Прости меня...»

Теперь же вместо Лизиного взгляда с васильковым рисунком, веселого или задумчивого, от этой точки в пространстве на Лаптеву летел сюрикен, по злой иронии похожий абрисом на василек, играя холодными бликами на клинковой заточке. Увернуться от него было невозможно, и она смиренно подставляла грудь хищной стальной звезде, которая вонзалась в живую плоть одурманенным голодом зверем. Работая лезвиями, сюрикен легко прокладывал себе путь все глубже и глубже, пока не увязал в том месте, где, по поверьям, в человеческом теле живет душа – на три пальца выше солнечного сплетения.

Так, с сюрикеном в утробе, Ирина Петровна шаг за шагом медленно продвигалась от порога вглубь квартиры, пространство которой теперь казалось ей плотным, требующим усилий преодоления. Повсюду она натывалась на памятные зарубки, заставляющие лезвия поло-совать яростнее. Вот в коридоре стоит еще Лизина обувь; висит на крючке черная курточка, о которой она так мечтала в прошлом году; вот на сидухе стула потертость в том месте, куда она упиралась пяткой; вот ее кружка, еще детская, со смешными медвежатами, жмущимися друг к другу щека к щеке... Когда же перед Лаптевой неминуемо возникала дверь в комнату дочери с плакатом в стиле аниме, то сюрикен начинал вертеться неистово, наматывая на острые лопасти нервы и жилы, оставляя внутри кровоточащее рваное месиво.

И она не выдерживала. На слабых ногах доходила до своей кровати и ложилась в чем была. Изнуренная пыткой, она теряла различие между дремотой и явью, отчего время превращалось в липкую прочную паутину, опутывающую недвижимое тело пелена за пеленой. Единственным побудительным аргументом к тому, чтобы время от времени разрывать эти путы и возвращаться в реальность, для Лаптевой была мысль о том, что нужно выяснить реальные причины поступка дочери. Поступок/ступать/шаг/балкон/неистовство сюрикена/забытье.

С тех пор как боль поселилась в ее доме, прошло уже больше месяца, а острые края ничуть не затупились. Сейчас, стоя у входной двери как на распутье и машинально поворачивая ключ то в одну сторону, то в другую, Ирина Петровна прислушивалась к шелчкам, словно они, как лязг волшебных часов, могли бы обратить время вспять – к тому моменту, когда из кухни к порогу на нее летел не сюрикен, а васильковый взгляд. Но все же она понимала – этому не бывать, и она замирает перед дверью не в надежде на чудо, а лишь для того, чтобы как-то отсрочить пытку возвращения в их с Лизой дом.

Ирина Петровна устало прильнула к двери, уткнувшись лбом в мягкую обивку, и неизвестно, как долго еще простояла бы так.

– Ирочка, тебе плохо? – Послышался с лестничного пролета взволнованный, дребезжащий стариковскими нотками голос соседки.

– Нет-нет, Марья Алексеевна, со мной все в порядке. Спасибо. – Прошелестела Лаптева не оборачиваясь и, чтобы не пугать старушку, шагнула в квартиру.

Ставшая традиционной экзекуция повторилась со всеми ритуалами. Когда взгляд Лаптевой уперся в плакат с Лэйн (так назвала анимешную мультяшку Лиза), сознание ее помутилось. В порыве она толкнула дверь, которую не открывала со дня похорон дочери. Это было похоже на жест отчаяния, будто она надеялась, что теперь сюрикен добьет ее окончательно. Затея почти удалась. Створка поддалась, петли скрипнули, и перед ней предстала комната Лизы. Первое, что увидела Лаптева в этой комнате, был рисунок кита на бледно-сиреневых обоях, сделанный Лизиной рукой почти во всю стену.

За окном смеркалось, в глазах стояли слезы. Синий кит с веселым красным полосатым зобом плыл по воздуху в тусклом коридорном свете. Чтобы отдышаться, на несколько секунд Лаптева прикрыла глаза. А когда открыла их, то сквозь мутную пелену слез разглядела шевеление китовой туши. Кит медленно изогнулся, развернув в три четверти свою плосколобую голову и мешковатый зоб, пасть его дрогнула – нарисованная Лизой улыбка будто оплавилась, сползла вниз уголками. Навесив этот жуткий оскал, кит задорно подмигнул и резко двинулся прямо на теряющую сознание Лаптеву.

Уровень D. Глава 3

– Тихий дом, говоришь?

Мирослав Погодин выслушивал унылый монолог Замятина, вольготно устроившись в плетеном садовом кресле и неспешно потягивая красное вино. В то время как он являл собой образчик покоя и умиротворения, собеседник выглядел абсолютным его антиподом – напряженный, расстроенный, погруженный мыслями в какую-то постороннюю, невидимую глазу действительность.

Никогда раньше Иван Андреевич не демонстрировал склонности к рефлексии, а тут будто другой человек. Ничто в этот погожий весенний день не отвлекало его от мрачных дум – ни водка, чистейшая, словно детские слезы, любовно уложенная на ледяную горку в хромированном ведре и манко бликующая на солнце запотевшим стеклом; ни легкая, располагающая к беззаботной праздности атмосфера; ни сам повод собрания – обмывали защиту докторской Мирослава, посвященную обрядам как форме религиозной деятельности.

Празднество Погодин решил провести в неформальной обстановке. К чему все эти душевные застолья в ресторанах с поочередными тостами и официальными речами? Он так и видел, как его коллеги по научной деятельности устроятся за длинным столом и весь вечер просидят деревянными куклами, неловко поворачиваясь, чтобы передать соседу салат. То ли дело пикник на лужайке загородного дома – простор и раздолье – красота! Тут тебе и прозрачно-голубое небо с белой рябью облаков, которые, уходя в перспективу, будто цепляются своими ватными боками за верхушки стародавнего хвойного леса, и английский газон с сочно-зеленой жизнеутверждающей порослью, и бодрящий весенний воздух, и посадочные места на любой вкус. Вон, например, гроза и светоч кафедры религиоведения философского факультета МГУ Степанида Михайловна Вержбицкая пытается устроиться в салатном кресле-мешке – нестатичной, ускользящей конструкции, – оглашая окрестности своим специфическим, сильно напоминающим уханье совы смехом (который, между прочим, не каждому доводилось слышать!). А изрядно захмелевший доцент Востриков, годящийся Вержбицкой во внуки, рвется ей в этом помочь. Любо-дорого смотреть!

Встреча по знаменательному поводу уже перешла в ту стадию, когда всем сделалось по-настоящему хорошо. Вступительные речи были сказаны, горячее и закуски не по разу опробованы, алкогольные напитки разогнали кровотоки и расширили границы сознания, отчего мир стал казаться лучше, чем есть на самом деле. Гости расслабились, разбились на группы. По интересам ли? На праздник Погодин пригласил, конечно, не только коллег, но и друзей. Компания получилась разношерстной.

Поначалу все держались стайками: ученые умы переговаривались друг с другом сдержанно, с плохо скрываемым изумлением осматривали роскошество загородного дома новоиспеченного доктора наук и несколько чопорно поглядывали в сторону его друзей (по большей части таких же мажоров, как и Погодин). Те, в свою очередь, строгой профессуры сторонились с некоторой опаской. Теперь же, под градусом, все смешались в самых неожиданных комбинациях.

Сам виновник торжества, уделив гостям достаточно внимания, занял стратегическую позицию в относительно уединенной части сада и не без удовольствия озирает происходящее. В этом укромном уголке его и настиг Иван Замятин, тоже приглашенный в качестве хорошего приятеля. Из всех собравшихся он один выбивался из стихийно возникшей гармонии.

Замятин был сам не свой. Мирослав заметил это еще при рукопожатии, когда прибывший гость уныло буркнул «поздравляю», прозвучавшее как «соболезную». Обычно легкий и неприкосновенный, он был замкнут. Всегдашний румянец и здоровый цвет лица сменились бледностью, которая на фоне задорного английского газона отдавала даже несколько болезненной зеленцой. Не нужно было обладать даром особой проницательности, чтобы понять – Ивана Андреевича что-то тяготит и гложет. Погодин же этим даром обладал. А после недавнего путешествия в Тибет и вовсе стал интуичить сверх всякой человеческой меры. Случилось это не вдруг. Его интуиция постепенно и не явно для него самого стала раскрываться все новыми гранями. Одна из них проявилась в том, что иногда, едва взглянув на человека, Погодин четко понимал, что откуда-то знает о нем больше, чем тот сам о себе.

– Рассказывай, Ваня, – без лишних прелюдий начал он, лишь только Замятин опустился в плетеное кресло по соседству, а официант, вышколенный в первоклассной кейтеринговой службе, удалился, поставив на столик рядом с ним ледяную водку и закуски.

Тут-то Иван Андреевич и посвятил его в предмет своих переживаний, будто только и ждал момента, когда кто-нибудь согласится разделить с ним душевный груз. Будто только за этим и пришел. Все выложил, как на исповеди. Да и с виду походил на кающегося грешника – смотрел все мимо, наискось, кивал тихонько в такт собственным недодуманным мыслям.

– Понимаешь, они мне сниться уже стали, и мать, и дочка, вот до чего дошел. Поначалу вроде было дело как дело. Ну как... Детей, понятно, жалко больше всего. Так ведь не первая она с балкона сиганула. У нас сейчас процент детских самоубийств такой, что... – Иван Андреевич махнул рукой, будто морок отгонял, и снова затих, поник, кивнул чему-то.

– Эк как тебя проняло, – констатировал Мирослав, сочувственно разглядывая кислую мину собеседника, но мысль продолжить не успел.

– А тебя бы не проняло? – Вскинулся майор. – Каждый день она ко мне приходит, мать. Каждый! И в глаза все глубже и глубже заглядывает. До печенки меня уже пробуравила. А мне-то тоже на нее смотреть приходится, и всякий раз, когда я снова вижу этот потухший, выцветший взгляд, мне кажется, что он затягивает меня как болото в другую, не мою жизнь. Туда, где холодно, одиноко и жутко. Не знаю, в общем, как объяснить, но иногда мне кажется, что даже чай или вот... водка, – он кивнул в сторону ведерка, – в другой, в ЕЕ жизни обретают непривычный для меня вкус. А ты говоришь – проняло!

– Я понимаю тебя, Ваня. Не кипятись. Правда, понимаю. – Погодин на нервный тон не поддался. Посмотрел собеседнику в глаза спокойно и пристально, так что тот сбавил обороты, выдохнул.

– Спасибо... За понимание, – беззлобно, но и безрадостно сказал он и опрокинул стопку.

Ежик волос на коротко стриженной русой голове майора заиграл на солнце золотистыми щетинками. Не рассчитав силы, Замятин вернул стопку на стол так, что она угрожающе звякнула. В напряженной позе, ссутулившись, округлив массивные плечи, он казался лишь еще больше, чем был в действительности, – как до предела сжатая пружина выглядит более угрожающей, чем распустившаяся во всю длину.

– Так, значит, Тихий дом, говоришь? – Уточнил Мирослав.

– Тихий, – подтвердил Замятин. – А чего ты к этому дому прицепился? О многом он тебе говорит? По мне, так гораздо больше говорит совокупность всех остальных обстоятельств, судя по которым – это самоубийство чистой воды и единственная виновница этого умерла.

– Боюсь, Ваня, тебе не очень-то понравится направление моей мысли. Но на твоём месте я эту предсмертную записку так просто со счетов бы не списывал. Эти два слова «Тихий дом» на проверку могут оказаться не такими простыми и безобидными, как кажутся.

– Черт, Погодин, ты специально меня бесишь? Можешь по существу говорить, без этих своих интриганских подвывертов? Что не так с этим домом, неужели опять тайное общество сатанистов-окультистов? Только этого не хватало. Мне, знаешь ли, твоих телемитов вот так вот хватило*.

И он наглядно продемонстрировал, как именно ему хватило телемитов: поднес ладонь ребром к самому горлу, шею вытянул, под рукой нервно, как истеричный ребенок, прыгнул кадык. Сомнений не оставалось – распутывать сатанинские пашни для него, в отличие от Погодина, развлечение то ещё.

– Выдохни, Ваня, взвинченный как штопор, того и гляди в землю уйдешь вращательными движениями. Закуси, – Погодин подцепил на шпажку крупную маслину и всучил Замятину.

Иван Андреевич на шпажку посмотрел как на недоразумение – не его масштаб, – но маслину смиренно проглотил, поморщился.

– Если ты так психуешь, значит, сам понимаешь или чувствуешь, что в этой смерти не все точки над *i* расставлены. Угадал?

Майор покосился на Погодина, словно его застывали за чем-то неподобающим и он с ходу не может решить: оправдываться или идти на попятную. В конце концов он вздохнул, откинулся на спинку кресла, обмяк. Будто то обстоятельство, что его уличили, освободило от ноши.

– Ну угадал. Ты вообще, Погодин, догадливый. За то и держим. За тем я, наверное, к тебе и заявился, чтобы ты произнес эту дурацкую мысль вслух и она перестала точить меня изнутри. Так, значит, все-таки нечисто с Тихим домом?

Мирослав улыбнулся.

– Навскидку не скажу. Если бы ты меня про каких-нибудь розенкрейцеров спросил, я бы с ходу выдал. Про Тихий дом я слышал вскользь и в тему не вникал, но все же слышал. Так что слова эти не случайные. Возможно, неспроста она их написала. Я бы копнул в эту сторону.

– И что же ты слышал?

– Что это некая запредельная территория, до которой современные подростки пытаются дорваться с помощью Интернета. Высокотехнологичное зазеркалье. Больше пока не скажу, честно говоря, пропустил мимо ушей, всерьез не воспринял. Но раз такое дело, справки наведу. Я так понимаю, что предсмертная записка – единственная загадка в этом деле, которая не позволяет тебе поставить в нем жирную точку?

Впервые за этот день Иван Андреевич позволил себе улыбнуться:

– Я уже начинаю тебя бояться, Погодин. Чисто Ванга.

– Говоришь, и порезы на руках у нее были?

– Были. Я из-за этих порезов еще больше убедился, что девочка мысль о самоубийстве вынашивала давно. Раз запястья резала, значит, пыталась уже с собой покончить. Как мать не замечала, удивительно.

– Ничего, Ваня, это пока еще не значит.

– В смысле?

– В том смысле, что мало ты знаешь о современных детях.

– А ты прямо много о детях знаешь! Вон, я смотрю, у тебя мал мала меньше, – Замятин кивнул в сторону резвящейся Степаниды Михайловны.

– Ты забываешь, что у меня студенты, Ваня. Студенты! Так что в некотором смысле меня можно считать многодетным отцом.

Уровень D. Глава 4

– Вот смотрю я на тебя, Тищенко, и как наяву вижу, что ты всю ночь за компом просидел.

Погодин подловил невысокого взъерошенного парня в коридоре, который вел от аудитории к буфету. Разноцветная клетчатая рубашка и лохматая рыжая макушка то угадывались в толпе студентов, то снова исчезали из виду. Но Погодина со следа было уже не сбить. Во время лекции он то и дело поглядывал на этого парня, будто боялся упустить момент, когда тот в своей обычной манере тихой сапой юркнет из аудитории, и ищи его потом, свищи.

Во время лекции объект наблюдения, очевидно, дремал, уютно устроившись на одном из последних рядов, благодаря чему у Мирослава складывалось обманчивое впечатление, что ситуация под контролем и по окончании пары он спокойненько перехватит его на выходе. Однако стоило ему произнести ключевую фразу: «На сегодня все, надеюсь всех вас увидеть на следующей лекции» – и буквально на несколько секунд отвести от зала взгляд, чтобы застегнуть сумку, как парня и след простыл. «Ну как он это делает?!» – только и успел изумиться Мирослав и, подхватив вещи, самоотверженно ринулся в самую гущу столпотворения у выхода из аудитории. К счастью, рост метр девяносто четыре сантиметра давал ему достаточно возможностей, чтобы углядеть в плотных рядах оголодавших студентов искомую макушку.

Эта рыжая макушка наряду с другими внешними признаками Игната Тищенко была знакома преподавателю философии Погодину так хорошо, что иногда от ее вида ему становилось плохо. Игнат относился к той особой породе студентов, которых природа наделила многообещающим, незаурядным умом, но напрочь лишила склонности к методичной учебе (а в качестве бонуса еще и отвесила неодолимого обаяния, противостоять которому умели лишь матерые педагоги). Погодин матерым пока не стал, может, в силу возраста (в тридцать три года матерей только особо предрасположенные), а может, потому, что у него не было необходимости жить на зарплату бюджетника, на которой и закаляется самая крепкая педагогическая сталь. Поэтому лоботряс Тищенко успел отпить у него немало крови. Как с ним было бороться?

Поначалу лекции и семинары Погодина Игнат не слишком жаловал и от преподавателя философии улепетывал по коридорам затейливыми зигзагами как заяц-русак, рассчитывая остаться незамеченным. Ох уж эта макушка! Как она в ту пору примелькалась Погодину, который давно приметил нерадивого студента и наблюдал за его наивными манипуляциями с плохо скрываемой улыбкой и хитрыми проблесками в синих глазах. «Прячься, Тищенко, прячься, – думал он. – Во время сессии свидимся».

И действительно, на первом же экзамене до Тищенко дошло, что если раньше он бегал от Погодина, то теперь придется побегать за ним. Мирослав Дмитриевич только казался «лапочкой» и «зайкой» (именно так о нем шептались восхищенные студентки), а характер, как выяснилось, имел непростой. Паршивейший имел характер, если уж совсем начистоту. Списать-то на экзамене он позволил, хоть и поглядывал с улыбкой на часы-шпаргалку, которые приметным черным квадратом притаились у Игната на запястье. Но на дополнительных вопросах завалил его с треском, похоже, получая от процесса немалое удовольствие. «А про это я рассказывал на третьей лекции... а про это на седьмой... а этой теме был посвящен коллоквиум...» Понял тогда Тищенко, что под видом зайки притаился чистый зверь. И главное – сидит, улыбается, смотрит так ласково, по-отечески. Умиляется тому, как взмокший ответчик покрывается ранней нечаянной сединой. Одно слово – садюга. «Ну и что мы, Игнат, будем с вами делать?» – спросил тогда Погодин скорей доброжелательно, чем строго. Но первокурснику эти слова показали зловещим шепотом.

– Я все выучу, Мирослав Дмитриевич. Честно!

– Так уж и все? – Удивленно повел бровью тот: – Знаешь что? За семестр пробел в твоих знаниях образовался большой. Сильно сомневаюсь, что ты сам его наверстаешь. Давай-ка ты походишь ко мне на дополнительные занятия в частном порядке, поставлю пересдачу автоматом. Можешь, конечно, сам готовиться, но гонять буду по всему пройденному за семестр материалу.

– Сколько? – тихо уточнил Тищенко, изменившись в лице.

– Что сколько?

– Стоит одно занятие?

– Нисколько. Будем считать, что с моей стороны это проявление социальной ответственности. Благотворительность, так сказать.

Игнат, казалось, ушам своим не поверил, пытаясь сообразить, в чем же тут подвох. Первым делом он подумал о том, что настойчивое предложение посещать частные уроки – не что иное, как вымогательство педагогом взятки за оценку, ловко замаскированное под репетиторство. Однако ни на первом, ни на втором, ни на третьем занятии Погодин так и не поднял вопрос об оплате. Он спокойно и непринужденно разжевывал Игнату учебный материал и отпускал с миром. Заинтригованный Тищенко по-тихому навел на факультете справки и выяснил, что Мирослав Дмитриевич Погодин, оказывается, мажор, олигарший сын и в тех жалких крохах, которые, в принципе, может вытрясти из скромного семейства своего ученика, уж точно не нуждается. Даже если каждый член семьи Тищенко продаст по почке. «Чего же он от меня хочет? – недоумевал Игнат, наблюдая за тем, как педагог тратит на него свое свободное время, исправно появляясь в аудиториях в назначенное время: —Скучно ему, что ли?»

Отчасти это было правдой. Погодин действительно искал для себя новое занятие. После недавних потрясений в Тибете он не был готов к одиночеству в тех масштабах, которые прежде казались ему нормой. Оставаясь наедине с собой, он неизменно начинал думать о случайных и бессмысленных смертях, свидетелем которых ему пришлось стать. О детском удивлении в глазах человека, врасплох застигнутого пулей. О холодном черном брезенте, небрежно брошенном на труп того, чья жизнь была примером для него самого. О сотнях, а может, и тысячах других жизней, оборванных по прихоти человека, возмнившего себя вершителем судеб. Человека, который был ему не чужим. И чем навязчивей воспоминания, яркие и четкие как явь, шокировали его сознание внезапными ослепительными вспышками, тем сильнее Мирослав хотел отделаться от них навсегда.

Избавиться от душевной боли можно было обесценив ее. Многократно прогнав воспоминания, а вместе с ними и все пережитые чувства через жернова памяти, пока наконец они не перемелются в самую никчемную муку и не просыпятся сквозь пальцы отжившим прахом. Другой вариант – пойти по пути просветления. Осознать бренность мира, тщету стремлений и надежд, проникнуться мимолетной, сиюминутной природой жизни и смерти, приноровиться смотреть на свой и чужой жизненный путь отрешенно. Он чувствовал, что как никогда близок к этому. Что стоит ему пожелать – и призрачная пелена, ограждающая будничное мировоззрение от вселенского безразличия, дрогнет перед ним и откроет путь за свои пределы. Иногда ему снилось колесо сансары – то, что он увидел у подножия Кайласа в снопе лучей ослепительно белого света, теряя сознание. Оно вращалось перед ним гипнотическим кругом, являя взору калейдоскоп миров, ограниченных кармой. Увеличиваясь в размерах, оно надвигалось на Погодина самой сердцевинкой – центром схождения миров, и Мирослав угадывал в нем точку мистического перехода, но не спешил войти в эту дверь.

Он еще не решил, какой вариант для него предпочтительней: обесценивание переживаний делает человека жестокосердным, а просветление – безразличным ко всему, не способным испытывать ни радость, ни горе. Он медлил с выбором, втайне надеясь побыть еще вполне живым, уязвимым, но способным переживать всю полноту земных страстей. А потому он искал способ отвлечься, перенести фокус внимания с внутреннего на внешнее.

Другая причина его готовности совершенно безвозмездно тратить свое время на Игната Тищенко крылась в том, что Мирослав считал людей самым интересным из всего, что только есть на земле. Вглядываться в их глубины он мог бесконечно. Сколько душ на планете, и все они отличаются друг от друга – эдакий калейдоскоп микрокосмов, который никогда не повторяет рисунка. В том, как по-разному складываются цветные стеклышки внутренних миров, Погодин умел разглядеть историю – будто книгу прочитывал. В каждой – уникальный рисунок боли и радости, слабости и преодоления, игра света и тени. Но в отличие от книг, где рассказ начат и закончен, внутренние миры людей переменчивы, подвижны – как закат на фотографии и в реальности.

Та история, которую Погодин читал в Игнате Тищенко, как нельзя лучше подходила, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, от всех этих навязчивых размышлений о природе добра и зла, путях просветления и монохромной пустой изнанке вечности. История Игната была веселой, непредсказуемой, авантюрной. Тищенко был живым, по-настоящему. Все в нем искрилось жадной жизни, торопилось за эмпирическим опытом, звенело как коробка с мальчишескими игрушками. И Погодин не жалел о времени, проведенном в его компании.

Вот и получалось, что Мирослав тратил свое время на Игната не с обреченностью педагогических будней, а с удовольствием. Впрочем, сам Тищенко радости от этого общения, похоже, не разделял. На дополнительные занятия он являлся с таким видом, будто всходил на эшафот. Но куда ему было деваться? Погодин вел один из профильных курсов, и без знания его дисциплины надолго задержаться на факультете у Игната шансов не было. А вылететь из института ему, судя по всему, очень не хотелось.

Гранит философской науки давался Игнату трудно. Не потому, что ему не хватало способностей, а потому, что не хватало желания его разгрызть. Он вынужденно выслушивал пламенные речи педагога, но всем своим видом демонстрировал смертную скуку. «Ничего-ничего, Тищенко, я из тебя сделаю человека, – в шутку подбадривал его Погодин. На что тот обиженно сопел и смотрел на доброжелателя исподлобья. Проявления такой непосредственности умиляли Погодина до счастья.

Лишь однажды калейдоскоп радужных стеклышек, в котором отражался Игнат, на мгновение помутнел, сменил палитру на мрачные тона. Случилось это, когда Мирослав заметил на его запястье свежие шрамы. На частном уроке, с унылым видом выслушивая лекцию, Тищенко по привычке подпер щеку ладонью, и рукав рубашки с оторванной пуговицей скользнул вниз. Ткань обнажила бурые тонкие полоски на коже, которые складывались в некое подобие рисунка.

– Что это? – Ошалело спросил Погодин и подошел к Игнату ближе.

Тищенко поморщился, хотел было спрятать улики, дернул рукав. Но куда уж там. Мирослав вцепился в его запястье мертвой хваткой, разворачивая порезы к свету, изучая их характер и глубину.

– Я спрашиваю тебя, Игнат, что это? – Держа первокурсника за руку, он, казалось, пытался заглянуть в самую его душу, а тот, в свою очередь, с удивлением наблюдал, как глаза педагога из насыщенной, будто бархатной, синевы линяют в жесткий, ледяной индиго.

– Мирослав Дмитрич, ну не надо драмы. Что вы переполошились как отец родной? Это не то, о чем вы подумали.

– Порезы от бритвы на запястьях – это не то, о чем я подумал? Уверен? – С голосом Погодина тоже произошли странные метаморфозы, и Игнат понял, что сейчас лучше не испытывать его терпение.

– Зуб даю! Это не попытка суицида, всего лишь проверка одной теории.

– Какой еще теории?

– Теории о пути в Тихий дом.

Мирослав молчал, но, судя по тому, что он продолжал удерживать запястье Тищенко и буравить его взглядом, было ясно – он ожидает более убедительного и развернутого объяснения. Игнат быстро сообразил, что с этим придется смириться.

– Вы, Мирослав Дмитриевич, вряд ли об этом что-то знаете, но есть такие люди, нет-сталкеры, они занимаются тем, что исследуют просторы Интернета в поисках всего странного, необычного, загадочного, мистического, если хотите. Конечная цель поисков – Тихий дом, самое дно сети, апогей виртуальности, портал в другое измерение. Как до него добраться, наверняка никто не знает, но теории существуют разные. Более или менее бредовые. Я решил проверить все. Просто на всякий случай. Мало ли. Вот я и проверил на днях теории о том, что в Тихий дом можно попасть, проснувшись в определенное время ночи, проведя некие манипуляции с компьютером и вырезав на коже слова «Тихий дом».

Слушая объяснение, Мирослав вглядывался в лицо Игната и пытался найти хоть какие-то признаки нежелания жить. Но ничего похожего в озорном взгляде зеленых глаз, веселых складочках в их уголках, под которыми семафорили жизнерадостные веснушки, и близко не прослеживалось. Уж на кого, но на человека в глубокой депрессии с суицидальными мыслями Тищенко точно не смахивал. Мирослав поднес его запястье чуть ли не к носу, разглядел полосы под разными углами – похоже, порезы неглубокие, царапины. Рисунок их действительно складывался в слова «Тихий дом».

– Что это за дичь? – Спросил Мирослав, когда Игнат закончил вещание.

– Согласен, звучит придурковато. – Тищенко почесал огненно-рыжую копну в районе макушки и скривил губы вопросительной загогулиной: – Но это потому, что вы не в теме. Не погружены, так сказать, в атмосферу поисков Тихого дома. Ну, в общем, Мирослав Дмитриевич, вы можете не переживать. Проверка теории с порезами завершена. Провалом, к сожалению. Больше я резать себе ничего не буду, клятвенно обещаю. Так что вы там говорили про этого... Пифагора?

С тех пор прошло несколько месяцев. Напичкав Игната необходимыми знаниями из первого семестра, Погодин поставил ему четверку по своему предмету и выпустил на волю. Уговор был прост: Игнат честно посещает лекции, и на следующем экзамене Погодин не придирается к его ответам. А в случае предъявления конспектов и активности на коллоквиумах Тищенко может рассчитывать на автомат. Впрочем, это был амбициозный план – рвение к учебе в Игнате так и не пробудилось.

Вот и сейчас, ощутив на плече уверенную хватку педагога, Тищенко сначала замер как вкопанный, потом медленно повернул голову, будто до последнего надеялся, что худшие опасения не подтвердятся. Разочарования скрыть не получилось – он шарахнулся от Погодина как черт от ладана.

– Мирослав Дмитрич, че началось-то опять? Я ведь на лекции хожу... Был сегодня. Вы же сами на меня косились!

– Я тоже рад тебя видеть, Игнат, – искренне и весело сообщил Погодин.

– Блин... – было ему ответом. А следом послышалось еще и бестактное цыканье.

Почему-то от этого неприкрытого хамства настроение Погодина только улучшилось. Вот уж воистину чудны дела твои, Господи!

– Как спалось-то на лекции? – Не удержался он.

Тищенко снова цыкнул (совсем уже рефлекторно, порывисто), вздохнул, бросил на истязателя косой обиженный взгляд, и Погодин рассмеялся в голос, потрянув каштановыми кудрями, чем вызвал пару девичьих вздохов.

– Я не спал, просто я с закрытыми глазами слышу лучше.

– Я так и думал.

– Раз уж ситуация прояснилась, можно мне идти?

– Я к тебе по другому вопросу. Помнишь, ты мне про Тихий дом рассказывал?

– Блин, ну Мирослав Дмитриевич, я же вам сказал уже: я больше не буду руки резать. Честное нетсталкерское.

– Я понял, что не будешь. Верю! А вот про нетсталкеров своих давай-ка поподробнее.

– Зачем это?

– Это лично мне для дела надо. К тебе оно отношения не имеет.

Услышав это заверение, Тищенко, кажется, расслабился. Расправил плечи, распрямился, благодаря чему стал Погодину почти по подбородок. Мученическое выражение лица сменилось обычным, задиристым: внутренние уголки бровей приподнялись, в уголках глаз наметились веселые морщинки, сами глаза заиграли озорством.

– Так бы и сказали сразу. А то: «как спалось». Я вам говорил уже, нетсталкеры – это такие люди, которые ищут тайное в Интернете.

– Удивляюсь я тебе, Игнат, – вздохнул Погодин. – Я ведь тоже про тайное в своем курсе рассказываю, а тебе до этого никакого дела нет.

– Мирослав Дмитрич, вы не обижайтесь, конечно, но все эти ваши древние учения – каменный век. Нафталин сплошной и тягомотина. Прогресс ушел далеко вперед. Ну кто в наше время информационных технологий станет искать истину в пыльных фолиантах? То, что вы преподаете, давно изучено, и ничего нового там не появится. А Интернет – это же совсем другое дело! Он живой, подвижный, необъятный. Он все время растет и ширится во всех направлениях, и никто еще не смог перешерстить его от корки до корки, в отличие от ваших книжек и конспектов. И никто не может утверждать доподлинно, что в нем есть, а чего нет. Вот вы, например, знаете, что существуют несколько уровней Интернета?

– Не знаю, – честно признался Погодин и на несколько мгновений почувствовал себя в шкуре двоечника. Даже брови нахмурил под воздействием смешанных чувств.

– То-то! – Оппонент просиял самодовольной улыбкой.

Это был реванш. Игнат выудил из рюкзака зеленое яблоко, подкинул его на руке и тут же вгрызся в сочную хрусткую бочину, так что капельки сока брызнули на сине-зеленую полосатую рубашку, надетую поверх футболки с растянутым горлом. Закинув лямку рюкзака на плечо, с яблоком в зубах, он ловко затянул шнурок на белой кроссовке и направился своей дорогой.

– Но я не отказался бы узнать, – обронил Мирослав в его удаляющуюся спину.

Игнат остановился, повернулся вполборота и спросил с робкой надеждой на отрицательный ответ:

– Вам правда надо?

– Правда.

– Ладно, – вздохнул Тищенко. – Так и быть, просвещу вас. Только нужно будет ко мне в общагу заехать, чтобы я на своем ноуте вам все показал, а то на словах долго, наверное, въезжать будете.

– У меня с собой есть айпад.

– Айпад... – Игнат хихикнул. – Игрушка ваш айпад. Я вам реальную технику покажу. У меня еще две пары, а потом встречаемся у входа.

Уровень D. Глава 5

Иван Андреевич топтался на затертом коврикe перед обшарпанной входной дверью как неуклюжий косолапый зверь. Одно дело – тревожить людей по работе, будучи, так сказать, уполномоченным и вооруженным удостоверением в волшебной красной корочке, и совсем другое – выступать в роли просителя. Была эта роль для Замятина непривычной и тесной. Тесной настолько, что неудобство ощущалось физически – широкоплечий Иван Андреевич ссу-

тулился, сжался, наклонил вперед голову, будто ему мешал распрямиться чересчур низкий потолок.

По всему выходило, что беспокоить девочку, лучшую подругу погибшей, у него нет никакого права – даже дела по факту гибели не возбуждено за недостаточностью оснований, а тут еще и свидетельница несовершеннолетняя, к ней с наскока не подступишься. Да и вообще подобного рода самодеятельность могла аукнуться майору служебным выговором или еще какой неприятностью. Шаткость и уязвимость заведомо слабой позиции неожиданно раскрылись в нем новыми, доселе почти неизвестными ощущениями мучительной неловкости, стоило ему шагнуть на замызганный коврик перед нужной дверью. Но отказываться от своей затеи он даже не подумал.

Куда хуже для него были другие переживания – осознание своего бездействия под прицельным взглядом Ирины Лаптевой, которая, несомненно, наведается к нему еще не раз. Конечно, ее поведение можно было бы списать на помешательство от горя и деликатно или грубо всякий раз отмахиваться от навязчивой просительницы. Однако существовало «но», мешающее ему занять такую позицию без угрызений совести: со смертью Лизы Лаптевой действительно было нечисто. Доказать это конкретными фактами пока не получалось, потому и в возбуждении уголовного дела было отказано. Но замятинская чуйка настойчиво подзуживала – не все так просто, Ваня! И еще одним аргументом (помимо странной записки) в пользу того, что звериное чутье, столько раз приводившее его к цели, будто несмышленого щенка на поводке, и теперь обострилось неспроста, являлось поведение лучшей подруги погибшей.

Катя Скворцова, которую майор опрашивал сразу после трагедии, по горячим следам, вела себя неоднозначно. Возможно, у того, кто не имеет такого обширного опыта в оперативно-разыскной деятельности, как майор полиции, поведение девочки подозрений бы не вызвало. А вот Замятин насторожился. Понятное дело, внезапная смерть лучшей подруги для неокрепшей подростковой психики – испытание нешуточное. Но вот вопрос: внезапная ли?

Во время той, первой беседы Катю колотило крупной дрожью так, что даже Замятину становилось зябко. Это был не просто стресс, это был страх. Самый настоящий. Такой, про который говорят: пробирает до костей. Майор хоть и не был никогда гением психологической экспертизы, но признаки этого особого страха за годы службы изучил хорошо. Похожие он наблюдал у тех людей, чья истерика была замешана на чувстве сопричастности или вины. С опытом он будто наловчился распознавать в воздухе особые феромоны такого чувства, как натасканная охотничья собака дичь. Конечно, в отношении Кати это было всего лишь предположением, которое к делу не пришьешь, но он чувствовал, что девочку знобило от ужаса сопричастности. Это вовсе не значило, что она физически помогла подруге шагнуть с балкона многоэтажки, но, похоже, о причинах Лизиной смерти имела свои предположения. Даже если они были надуманны, размашисто нарисованы юношеским воображением и относились к разряду откровений о несчастной любви или несправедливости мира, майор все равно хотел бы их услышать. Хотя бы для того, чтобы разобраться для себя лично с Катиним поведением и снять лишние вопросы. Но сделать это тогда не получилось, а учитывая совокупность факторов, указывающих на добровольное и осознанное самоубийство, докапываться до несовершеннолетней свидетельницы у него не было никакого резона, кроме мнимого. По опыту он знал, что апеллировать к начальству аргументами: «Мне кажется, пусть безосновательно, но все же» – себе дороже.

Поэтому на повторных встречах с Катей Скворцовой майор настаивать не стал, а во время первой так ничего и не выведал. Она однообразно твердила, что не знает, как и почему такое могло случиться с ее подругой. Этими бесполезными ответами Замятин вынужден был удовлетвориться. Ее, как несовершеннолетнюю, опрашивать можно было лишь в присутствии закон-

ных представителей. Таким представителем выступила мать, очевидно, недовольная тем, что девочку привлекают к выяснению причин чьей-то гибели.

Что уж там себе надумала о коварстве следственных органов недалекая гражданка Скворцова-старшая, которая, похоже, черпала знания о внешнем мире из сериалов, майор не знал. Но выстроить хоть сколько-нибудь связную беседу с девочкой в ее присутствии не удавалось совершенно. Мало того что сама Катя вела себя как затравленный зверек, упрямо глядя в пол и закрываясь от собеседника длинными рыжими прядями, скользнувшими вперед со склоненной головы. Вместо слов – судорожные всхлипы, при упоминании имени Лиза – истерика. Так еще ее мать чуть ли не после каждого вопроса вворачивала: «Вы травмируете психику моего ребенка!»

Майор тогда еще решил, что поговорить с девочкой конструктивно и услышать от нее что-то большее, чем «я ничего не знаю», возможно, удастся спустя время, когда она отойдет от пережитого, а главное – снова почувствует себя в безопасности. И вот он заявился к ней домой, чтобы попытать удачи. А вдруг? Хотя перспективы миновать родительское сопротивление представлялись весьма сомнительными, но майор подбадривал себя девизом «делай что должен, и будь что будет» и ждал, когда же наконец откроется дверь и он сойдет с коврика, как с расстрельной точки.

– Снова вы? – Удивилась хозяйка квартиры. А если по протокольному, в привычной для Замятина манере: прописанная по этому адресу гражданка Скворцова, сорокасемилетняя мать двоих детей, состоящая в законном браке и имеющая неполную трудовую занятость.

– Я, – виновато подтвердил Замятин и ощерился самой располагающей из своих улыбок, которая делала его похожим на маленького мальчика, в силу природной аномалии заросшего сивой мужской щетиной.

– Но мы ведь уже все вам сказали. Насколько я знаю, вы не имеете права допрашивать мою дочь. К тому же Катя не раз говорила, что ничего не знает.

Скворцова явно не намеревалась приглашать незваного гостя в дом, проявляла бдительность. Приоткрыв входную дверь лишь на треть, она держалась рукой за косяк, как бы преграждая Замятину путь, и таранилась на него выпученными от возмущения и тревоги глазами. Майор вдруг подумал, что этот взгляд делает ее похожей на наседку, которая нахохлилась перед потенциальной угрозой для потомства. Сходство довершали взлохмаченные, плохо покрашенные короткие волосы и изрядно заношенный байковый халат, походивший расцветкой на окрас пеструшки.

– Да я не по службе. Я по дружбе, так сказать, – поспешил он убавлять ее бдительность. – Зашел поинтересоваться: мало ли что, вдруг Катя что-нибудь вспомнила. Тогда-то, понятно, стресс у нее был, переживала очень, а сейчас, на свежую голову, мало ли что припомниться может. Вы ведь близко общались с Лаптевыми, не совсем они вам чужие люди. Хотите, наверное, помочь.

– Ничего ей не может припомниться, потому что ей просто нечего вам рассказать, Иван...

– Скворцова запнулась на отчестве собеседника, и тот с готовностью пришел ей на помощь, старательно выдерживая образ своего парня, а не блюстителя закона.

– Андреевич.

– Андреевич, – присовокупила Скворцова и, кажется, немного ослабила сопротивление: – Конечно, я как мать, да и просто человек, очень сочувствую Ире, но чем тут поможешь? Лизу уже не вернуть. Смотреть надо было за девочкой, пока жива была, теперь уж что? Я, честно говоря, в последнее время не в восторге была от их дружбы. У Лизы переходный возраст как-то слишком остро проходил, нехорошо. Остриглась, в черный выкрасилась как ворона, наряжаться стала не пойми во что. Неизвестно было, чего ждать от таких перемен. Мне, постороннему человеку, не по себе было, а уж мать куда смотрела – ума не приложу. Я лично не

сомневаюсь, что она сама собой управила, и не вижу никакого смысла мучить расспросами Катю.

– Я вовсе не собираюсь никого мучить. Мне бы только восстановить кое-какие факты из жизни Лизы. – Замятин снова пустил в ход козырную улыбку, но прием не сработал.

Наоборот, Скворцова будто опомнилась. Майор не столько увидел, сколько почувствовал, что она подобралась, костяшки на руке, сжимающей угол дверного косяка, обозначились четче. Похоже, преграда между ним и девочкой, которая стояла в коридоре за материнским плечом, лишь окрепла.

– Вы, Иван Андреевич, извините, конечно, но нет. Наговорились уже, пора и честь знать. Всего хорошего.

С этими словами она медленно, словно стараясь смягчить свою грубость, потянула на себя дверь.

– А вдруг опасность угрожает и вашей дочери? Об этом вы не думали? – Выпалил Иван Андреевич в уже затворенную створку.

В ответ ему злобно, как челюсти цепного пса, клацнул замок.

«Не наговорились! Ой, не наговорились!» – нашептывал майор, непринужденно сбегая по покатым ступеням старой пятиэтажки. Он лишь убедился в этом, когда в стремительно сужающемся проеме двери увидел Катин взгляд. Стоя в нескольких шагах от матери в сумрачном кармане коридора, она будто не решалась двинуться ни вперед – к майору, ни в сторону – в сокрытое от его глаз пространство квартиры. За те недолгие минуты, что длилась его беседа с ее матерью, он как будто разглядел Катю лучше, чем когда разговаривал с ней лицом к лицу. Или просто увидел ее другой? Тогда вся она была искажена истерикой, размыта до бесформенного пятна. А сейчас в коридоре стояла настоящая Катя – девочка-подросток, хрупкая, трепетная, неокрепший розовый бутон в заросшем полынью палисаднике.

Толкнув увесистую дверь подъезда, майор вышел на свежий, не по-весеннему промозглый воздух. После затхлого и местами зловонного подъезда уличная свежесть показалась альпийским простором. Он прошел с десятков шагов и присел на неряшливо покрашенную зеленую скамейку напротив детской площадки. Взглянул на часы и приготовился ждать. В том, что Катя скоро спустится, он не сомневался – увидел это намерение в ее глазах. То, что лучшей подруге погибшей Лизы Лаптевой есть чем поделиться со следствием, теперь было очевидно. Катя вышла из подъезда через десять минут и направилась напрямик к майору.

– Все-таки вспомнила?

– Вспомнила.

Уровень D. Глава 6

Всю ночь в беспокойном, дрожащем паутиной забытья Ирине Петровне снились киты. Ядовито-синие громадины выписывали вокруг нее размашистые кольца в густом сумеречно-сером мареве, и Лаптева никак не могла понять – очутилась она под толщей темной воды или вознеслась под сень грозовых облаков. Дышать было сложно, тело бил озноб. Пространство казалось загустевшим и липким как кисель. Его плотные завесы рассеивали наклонные столпы блеклого туманного света. Лаптева пыталась, но не могла пошевелиться – настолько непреодолимым было для нее сопротивление этой странной кисельной среды. И чем усердней она старалась обрести подвижность, тем волнительней было наблюдать за мощными китовыми тушами, с легкостью рассекающими пространство. В сравнении с этими великанами она ощущала себя крошечной как планктон, и китам, казалось, не было до нее никакого дела. В плотном кольце они вились жгутами тернового венка, издавая стонущие, протяжные, пробирающие до нутра звуки. Их пронзительный плач разносился вокруг низкочастотными волнами, и все ее существо мучительно, до невозможного предела отзывалось на эти звуки. Ей казалось,

что и сама она становится низкочастотной волной, вытягиваясь в тончайшую струну, которая вот-вот лопнет от растущего напряжения. Предвкушение этого конца не пугало ее. Наоборот. Он манил обещанием освобождения – наконец-то она разлетится на мириады больше не связанных друг с другом частиц и все закончится. Но вдруг размеренное гипнотическое кружение стаи нарушилось. Один кит сделал резкий кульбит, отделившись от остальных, и двинулся прямо на нее. Лаптева, почти достигшая блаженного конца, сжалась. Последнее, что она увидела, был красный зуб.

Из муторного кошмара ее вырвал телефонный звонок. Старенькая «Нокия» свиристела высокими нотами, которые свободно курсировали между двух миров – призрачным, с китами, и реальным, с одинокой холодной постелью.

– Ирина, я все, конечно, понимаю. Ты знаешь, я очень сочувствую твоему горю. Но ты на работу выходить собираешься? Мы больше не можем без второго кассира. Ждать тебя, нет?

– Буду, Азим. Буду, прости. Завтра выйду. В ночную, можно?

– Ох, Ира, Ира, что поделаешь с тобой? Можно. Точно придешь?

– Точно. Прости, что так вышло.

– Ай, зачем так говоришь? Не человек я, что ли? – Из трубки полетели раздраженные гудки.

Спросонья, еще не разогнав жуткий морок сна, Лаптева ответила рефлексивно. Ответила, как в прежние времена, когда голос начальника пробуждал в ней невесть когда и кем посеянные зерна страха и раболепства. Эта сорная трава разрасталась в ней бурным цветом вмиг, как по волшебству, стоило ей оказаться лицом к лицу с тем, кто выше ее пусть даже по условному статусу. Она терялась и путалась в высоких густых побегах и от растерянности вела себя не как взрослая женщина, а как провинившийся первоклашка перед директором школы. Вот уже три года ее начальником был человек тишайший, не внушающий никому, кроме нее, холопского подбострастия. Но Ирина Петровна и перед ним отчего-то робела, хоть и понимала умом: Азим добродушен до крайности, чтобы вить из него веревки особой сноровки не требуется. Но у нее отродясь не было такого навыка. Жертвенность и подспудно обретавшийся внутри страх перед сильными, да и перед самой жизнью в целом, в ее роду, как паразиты, передавались по женской линии. Одна только Лиза, казалось, убереглась от такого наследства.

Окончательно очнувшись, Лаптева обнаружила себя в своей комнате, лежащей на изрядно продавленном диване. Обычно диван этот она раздвигала перед сном, машинально, наспех застилая его постельным бельем, и он превращался в некое подобие кровати. Но теперь до бытовых ритуалов ли? Хорошо уже то, что вчера она нашла в себе силы очнуться после кошмарного наваждения и нетвердым шагом добрести до своего запустевшего лежбища. Так и повалилась на него в чем была, не помня себя.

Тяжелые веки поддались с трудом, будто не успели просохнуть от стылого киселя, в котором она барахталась всю ночь. Открыв их наконец, она увидела перед собой угол схождения потолка с посеревшей от времени побелкой и стены с разохшимся, скрученным стружкой краем обоев. Ниже располагалась незатейливая стенка-горка из хлипкого ДСП. На ней всякая мелочь, устаревшая модель телевизора и фотографии дочери. Лиза в пушистой юбке-пачке на новогоднем утреннике в детском саду; Лиза позирует для виньетки первоклассника; присев на корточки, десятилетняя Лиза обнимает огромную соседскую псину; Лиза с черным каре вполборота серьезно и задумчиво смотрит в объектив, в нижнем правом углу снимок перехвачен черной лентой.

Лиза... Лаптевой казалось, она все делает ради дочери. Вера в это придавала ей сил. Почему же взгляд ее девочки год от года становился все грустнее, как будто неутолимая тоска в нем росла и крепла вместе с ней? На снимках, которые в хронологическом порядке расположились на неказистых полках, перемена в ее взгляде была очевидной. Раньше Лаптева думала, что это грусть взросления, связанная с познанием мира, который многообещающих посулов

Лизе не давал. Взросление маленьких принцесс в хрущевках часто связано с утратой иллюзий. Но ее внезапная и трагическая смерть вдруг словно луч прожектора выхватила из однообразной серости жизни, уводящей все в один тон, эту метаморфозу в ее глазах. Если раньше она казалась естественной, то теперь – зловещей, мистической, пророческой. Что за тайну унесла с собой ее девочка? И могла ли она сама? Нет-нет, бред, наваждение, она точно не могла совершить этого сама, невыносимо.

Конечно, у них была не идеальная семья, совсем не идеальная, но ведь случается и хуже. Намного хуже. На Лизу не поднимали руку, за исключением нескольких раз, когда ее отец не совладал со своим гневом. Она всегда была сыта, одета, и Лаптева, насколько могла себе позволить, старалась удовлетворять ее потребности и желания. В чем-то приходилось и отказывать, так ведь это не из вредности – в силу обстоятельств. А сколько детей растут в условиях куда хуже. В конце концов, именно ради Лизы Лаптева держалась за иллюзию полной семьи, жертвуя собой. Чтобы у дочери всегда была крыша над головой, ее привычный отчий дом, а не вереница съемных квартир, на аренду которых Лаптева и заработать вряд ли смогла бы. Наверное, она могла бросить все и вернуться с дочерью на малую родину, так ведь здесь Москва, перспективы для Лизы, а там глухая провинция. Или она могла бы оставить Лизу с отцом в Москве. Но как оставишь?

Она все делала ради Лизы. Это она знала наверняка. И лишь иногда, как сейчас, она допускала жестокую мысль: а ради Лизы ли? И тут же гнала ее, потому что, мысль эта, едва обозначившись, начинала ворочаться внутри холодным скользким змеем, и было в ее шевелении что-то совсем уж для Лаптевой жуткое и невыносимое.

Сейчас взгляд ее ощупывал каждый сантиметр комнаты, цепляясь за мелкие детали вроде заскорузлых краев обоев, как за памятные зарубки. И они возрождали в ней когда-то пережитые чувства, надежды, которые она давно, будто в прошлой жизни, возлагала на жизнь в этой квартире, на этот старый диван, бывший в ту давнюю пору ее супружеским ложем. С каким волнением, присущим неопытной молодости, она входила в семейную жизнь, пытаясь прижиться в этом доме. Он был для нее чужим много лет назад, чужим и остался. Но могла ли она тогда предвидеть, что будет так? В молодой Лаптевой не было места дару предвидения, той особой циничной прозорливости, которая приходит с годами, прожитыми несчастливо. Тогда она тыкалась в жизнь как слепой щенок, бездумно обретая эмпирический опыт. И как щенок взволнованно виляла хвостом, надеясь, что вот-вот наткнется на что-то радостное.

Не случилось. Вся ее жизнь – маета, преодоление и бесконечное ожидание завтра, которое в ее фантазиях должно было наступить вдруг и все переиначить, изменить. Но волшебное завтра, как мираж, к которому из последних сил пробираешься, увязая вzybучих песчаных барханах, не приближалось ни на метр, оставаясь так же далеко, как и в начале пути. И вот вместо вожделенного миража Лаптева настигла жуткий кошмар. Он тоже все изменил вдруг, кардинально и навсегда. Лизу не вернуть. Можно лишь постараться узнать, что за тайна забрала ее навсегда, застыла в глазах сокроуенным знанием, невыплаканной слезой, страшным пророчеством. Узнать это для Лаптевой теперь главная и единственная в жизни цель, а после этого – всё. Ничего не останется и ее самой, наверное, тоже.

Уровень D. Глава 7

Катя опустила на землю полупустое пластмассовое ведро. Казалось бы, столица, двадцать первый век, а мусор из хрущевок приходится выносить по старинке на улицу. Зеленые контейнеры стояли здесь же, во дворе, привычно вписываясь в стандартный пейзаж спального района. Между ними и подъездом, в котором жили Скворцовы, расположилось подобие детской площадки с основательной стальной горкой, установленной, казалось, на века. Горка возвышалась в центре прямоугольного пятачка, отведенного под игры. Ее зеркальный, отполирован-

ный временем язык был изрядно покорен, прогибаясь вмятинами на склоне и скручиваясь стружкой у земли. Под апрельским солнцем скособоженный металл бликовал, будто отсылая в небо прерывистые сигналы SOS, но добротное основание, на котором пестрели слои разномастной облупившейся краски, прочно вросло в землю. Вокруг валялись пивные бутылки и сигаретные окурки. Грязно-серые проталины в плотной корке льда, которая упорно противилась весне, обнажали прочие свидетельства недетских забав. Из других развлекательных ухищрений здесь различались облезлая накренившаяся песочница и железный остов того, что когда-то, по-видимому, было каруселью. Эти предметы, как артефакты ушедшей советской эпохи, казались Замятину унылым приветом из детства. Изъеденные временем, они походили на мираж, дрожащий зыбким маревом на стыке веков.

В ожидании Кати, от нечего делать рассматривая этот урбанистический пейзаж, майор на мгновение представил, что, стоит ему моргнуть, и краски вспыхнут, оживут синим, красным, желтым – теми простыми цветами без всяких оттенков, которыми были окрашены предметы советской действительности. Их он помнил лишь по самым ранним годам, а потом их разъело кислотной волной постперестроечных девяностых.

Детство майора Замятина мало того что прошло в интернате, так еще и выпало на время сумбура и хаоса – становления нового порядка, когда на обломках старого режима, ошалев от свободы, не умеючи пытались соорудить что-то новое. Его норвежская пассия Лис Шмидт, питающая к этой стране нездоровый интерес, как-то сказала ему, отложив в сторону учебник новейшей истории России: «Кажется, я начинаю понимать, почему русские люди такие странные и непредсказуемые, дикие. У вас нет преемственности поколений. За каких-то сто лет идеология и ценности вашего народа были переиначены трижды: от царской России к советской, а потом вас и вовсе выбросило на обочину. Моя родина, Норвегия, до сих пор является монархией, пусть и конституционной. Наши бабушки прививают нам то, что было привито им их бабушками, наши дети растут с ощущением размеренности жизни, и это делает их умиротворенными и социализированными. Они знают, что, как и их родители, они закончат учебу, устроятся на работу, возьмут в кредит дом, родят детей и преспокойно проживут так до самой старости. А вы? Какую модель существования могут привить вам ваши прадеды, деды, родители, если их жизни проходили при разных режимах? Может, потому вы и ведете себя как первобытное племя, что исследуете жизнь методом тыка, не имея перед собой примера? Как можно испытывать умиротворение в стране, где каждые полвека происходят революция и государственный переворот?»

Замятин тогда ничего не ответил взволнованной собственным монологом Лис. Он умилился выражению широко распахнутых голубых глаз, присел рядом с ней на диван, сгреб в охапку хрупкое мягкое женское тело и повалил Лис на подушки, зарывшись носом в ее кудрявые пшеничные волосы, пахнущие ароматным шампунем. Лис тут же забыла про феномен загадочной страны, над разоблачением которого так упорно корпела, и затихла в сильных руках «большого русского мишки».

Сейчас Замятин смотрел на Катю Скворцову и гадал: какое же детство выпало ей и ее лучшей подруге, прыгнувшей с тринадцатого этажа высотки? Каким может быть детство на нескончаемом перепутье? Катя стояла перед ним на элегическом фоне детской площадки, просуществовавшей несколько эпох и, похоже, доживающей свой последний срок. Наверняка совсем скоро что-то новое возникнет на этом месте (надолго ли?), упокоив наконец неприкаянный призрак смутного прошлого. Но пока еще он служил декорацией Катиной реальности, которую каждый день она видит из своего окна.

Декаданс за ее спиной резко контрастировал с подростковым наивным представлением о красивой жизни. Его выдавали узкие спортивные штаны из ярко-розового плюша с кричащим перекошенным логотипом «Шанель»; стоптанные сапожки – кустарная подделка под популярные UGG; криво наклеенные стразы на фурнитуре курточки: все с явной претензией на гламур,

подсмотренный в глянцевах журналах, музыкальных клипах, звездных фото в «Инстаграме». Нелепое несоответствие фона и отчаянного стремления к идеальному, по Катиным представлениям, образу отозвалось кратковременным спазмом в груди Ивана Андреевича. Уж слишком нежное нутро проглядывало за всей этой грубо сделанной китайской мишурой.

Замятин будто увидел Катю впервые. Не искаженную истеричным припадком, не сокрытую сумраком коридора, а такую, какой она была на самом деле. Под низкой ветвистой кроной, которая совсем уже скоро распустится нежной листвой, перед ним стояла девочка. Длинные русые волосы с медным отливом оттеняли белизну тонкой, словно рисовая бумага, кожи. Карие глаза с чайной рыжиной под светлыми колосками бровей. Худенькое вытянутое лицо с очерченными скулами, нос тонкой лепки, острый подбородок. Во внешности ее угадывалось что-то лисье, но вся она лучилась чистотой юности.

– Поговорим? – Располагающе улыбнулся Замятин.

Катя посмотрела в сторону своих окон, и, убедившись, что ветвистая крона вполне надежно закрывает обзор, присела на лавочку рядом с ним.

– Ты чего-то боишься? – Брякнул майор первое, что пришло в голову, не зная, как подступить к столь непривычной для себя собеседнице.

«Ну, конечно, она боится! одернул он себя мысленно и разозлился: – Не тупи, Замятин!» Большим опытом общения с детьми и подростками он похвастаться не мог, все-таки не в продленке работал. Свои звездочки на погонах Иван Андреевич выслужил суровым мужским трудом, люто хватая за горло отморозков всевозможных мастей. А тут нежное создание, почти ребенок. Как перекинуть к девочке мостик, чтобы не испугать нахрапом? Он вдруг осознал, что совершенно не понимает, как себя вести, и рефлекторно поежился, будто стесняясь своих габаритов, желая казаться меньше, потер огрубевшие ладони, спрятал их в карманы кожаной куртки.

– Ты не бойся. На меня можешь положиться. Если нужно защитить от кого, то я могу. Видишь, какой я большой?

«Кажется, угадал с подходом», – воодушевился он, подметив, как после этих слов она удобней устроилась на лавочке, слегка развернувшись к нему корпусом. Как преобразилось ее лицо, на котором вместо настороженного выражения наметилась слабая улыбка.

– Ты ведь хочешь мне что-то рассказать, верно? Если ты натворила чего, то мы придумаем что-нибудь, не волнуйся. Говори все как есть.

– Я ничего не натворила.

– Но ты ведь знаешь что-то о смерти Лизы? Что-то такое, чего не знает больше никто?

При упоминании бывшей подруги Катя снова сжалась, в лице ее появилось знакомое майору по прошлой беседе выражение.

– И это... Ты только не реви. Ты ведь хочешь мне что-то рассказать, для этого вышла?

– Тихий дом. – Еле слышно прошептала Катя. – Она не просто так написала эти слова. Я знала, что ничем хорошим это не закончится. Я говорила ей: не надо.

– Чего не надо?

– Не надо его искать.

– Кого?

– Ну говорю же, Тихий дом. – Она покосилась на Замятина с опаской, будто усомнившись в правильности своего решения поговорить с ним начистоту. Но все же пояснила: – Лиза искала Тихий дом.

– А что это за дом такой и почему его надо или не надо искать?

– Вы совсем ничего про это не знаете?

– К сожалению, совсем ничего.

– Тогда вам сложно будет вникнуть в тему. Сразу предупреждаю, это звучит странно. Очень странно.

– Ничего, я постараюсь разобраться.

– Ну, в общем, Тихий дом – это другая сторона реальности, как параллельный мир. Но этот мир как будто разумный, он забирает к себе. В него можно попасть через сеть.

– Через сеть?

– Через Интернет. Для этого нужно все глубже и глубже погружаться в сеть, и в самом конце, в самой глубине Интернета, вход в Тихий дом. Тот, кто найдет его, узнает истину, но может исчезнуть из этого мира и остаться там навсегда.

– Ты меня разыгрываешь, да? – На лице Ивана Андреевича проступили признаки напряженной мозговой активности. – Похоже на вольный пересказ «Алисы в Стране чудес» и «Хроник Нарнии»: зайди в шкаф и выйди в параллельный мир. Лиза ведь не просто куда-то испарилась, она упала с высоты – вполне реально погибла в этом самом мире. И если и следует искать виновника этого, то искать кого-то вполне реального, из плоти и крови.

– Я так и думала. Не стоило и начинать разговор. Может быть, она погибла здесь потому, что ее затянуло туда. Я поначалу тоже считала, что все это дурацкий прикол, тупой розыгрыш. Но Лиза так не думала, и вот... Когда мне сказали про ее записку, ну, про Тихий дом, я все поняла. Поняла, что все эти страшилки про Интернет вовсе не выдумка. Но вы все равно не поверите. Я, наверное, лучше пойду.

Катя встала и подхватила ведро, явно намереваясь уйти.

– Стой-стой, подожди-ка! – Замятин как мог аккуратно ухватил ее за руку. – Давай так, ты просто расскажешь все, что знаешь, а потом уже решим, стоило начинать разговор или нет?

– Не так уж много я и знаю, – тихо сказала она, снова садясь на лавочку. Чувствовалось в этом повиновении детская еще неспособность противиться воли взрослого: – Лиза была себе на уме. Мы, конечно, близко дружили, но мне всегда казалось, что она мне и половины не рассказывает того, что есть у нее в голове. Про Тихий дом она мне сказала, но я не поверила в то, что он может быть на самом деле. Поэтому она никаких подробностей мне больше не рассказывала. Наверное, обиделась на меня, хотя вида не подавала. Просто стала меньше гулять и больше торчать дома за компом.

– И часто она на тебя обижалась? – Снова попытался втереться в доверие Замятин.

– Бывало. Но она не то чтобы обижалась и переставала общаться, скорее она была вспыльчивой. Могла разозлиться, если я что-то делала или говорила не так, но быстро остывала. Она всегда была странной, особенной. Умной. Как будто слишком взрослой. Не то чтобы зубрилкой, нет, в школе как раз по некоторым предметам еле вытягивала четвертные оценки. Но это не потому, что мозгов не хватало, а потому, что ей было скучно учиться, делать уроки. Она говорила, что не хочет быть рабом системы и делать все по расписанию, который ей навязывают. Мне было интересно с ней, хотя она обо мне знала все, а я о ней нет. А потом у нее возникла идея про Тихий дом.

– А для чего ей вообще был нужен этот Тихий дом?

– Она говорила, что в сети ей интересней, чем здесь. Что здесь, в нашей реальности, она чувствует себя чужой и как будто все, кого она здесь знает, другой породы, с которой ей никогда не снюхаться. Она так и говорила: «не снюхаться». Еще она говорила, что ее цель – найти Тихий дом, чтобы познать истину. Ну, типа, зачем мы вообще рождаемся и кому все это надо. А здесь ей ловить нечего, типа, все в этом мире примитивно и бессмысленно. Говорила, что жить и не париться в этом мире могут только очень примитивные, низкоразвитые существа. Что этот мир для них создан, а ее сюда по ошибке забросило, и она здесь чувствует себя чужой и лишней. А потом она сказала, что раз она внутренне от всех отличается, то должна и внешне подчеркнуть свое отличие, поэтому сменила имидж.

– А почему ты не думаешь, что Лиза могла сама покончить с собой? Она ведь говорила, что этот мир не для нее.

– Лиза была очень сильной. Она была сильнее меня, сильнее всех. Она могла пойти против толпы. И она это доказала. Когда она подстриглась, покрасилась и стала одеваться почти как эмо, хотя не была эмо, в классе стали ее задирать, стегать. Но ей было все равно, она как будто получала удовольствие от этих нападков. Она их дразнила. Никого не боялась, никогда при мне не плакала. Зачем ей вдруг умирать, если она все делала как хотела? И записка эта: «Тихий дом». Она что, просто так ее написала, по-вашему? Зная Лизу, ее характер, я скорей поверю, что она перетрясла весь Интернет и нашла этот Дом, чем в то, что сама прыгнула с крыши.

– А может быть, у нее была несчастная любовь и она сильно из-за этого переживала?

– Ей нравился мальчик из старшего класса, но она никогда не переживала из-за него настолько, чтобы покончить с собой. Она ему вроде бы тоже нравилась, может быть, у них что-то и получилось, если бы она... осталась.

– А странных знакомых у нее в последнее время не появлялось? Может быть, слишком взрослых?

– Я о таких не знаю. Она вообще не очень-то хотела с кем-то знакомиться, она не очень общительная, мало с кем дружила. Говорила, что ей не интересно. Я была ее лучшей подругой, мы с детства дружим. У нее были только Интернет и я. Говорю вам, это Тихий дом...

– Катя! – Раздался из окна зычный голос Скворцовой-старшей. – Почему так долго?

– Уже иду, мама, просто решила воздухом подышать во дворе, – отозвалась она, вставая с лавочки.

Замятин достал из кармана визитку:

– Катя, здесь мой мобильный номер. Если еще что-то вспомнишь или вдруг что-то случится, обязательно звони.

Она кивнула и направилась с ведром к контейнерам.

Уровень D. Глава 8

– Шикардос... – Выдохнул Игнат, когда на парковке им приветливо подмигнул черный «Гелендваген».

Внедорожник баснословной цены отозвался на легкое движение руки преподавателя философии. Преподавателя! Философии!!! Игнат хоть и знал, в чем подвох, но чувство когнитивного диссонанса все равно щекотнуло его сознание.

– Будешь хорошо учиться, и у тебя такой будет, – назидательным тоном иронично отозвался Погодин и направился к водительской двери.

– Ага, свежо предание... Вы ведь не с зарплаты его купили.

– Я – нет. Но вот, например, у Майкла Блумберга два высших образования. И, подозреваю, что автопарк у него гораздо круче.

– А Марк Цукерберг вообще институт не окончил и тоже не бедствует.

Мирослав тихонько усмехнулся, пока невысокий Игнат карабкался на переднее сиденье внедорожника. Снова этот неуч его уел, и, несмотря на то что Погодина забавляли его колкие реплики, улыбку в такие моменты он находил нужным прятать. Иначе Тищенко совсем распутится, с ним и так никакого сладу. Дискуссию о том, кто больше зарабатывает – дипломанты или самоучки, конечно, можно было бы продолжить. Но Мирослав тему решил не развивать. Он по опыту знал, что словесные баталии с Игнатом отнимают много энергии, а проку от них мало. В спорах Тищенко изворотливый как уж, вьется вокруг темы скользкими кольцами – никаким аргументом, даже самым убедительным, его не обездвизишь. Продолжать словесные баталии он может до тех пор, пока оппонент окончательно не выдохнется, теряя истончившуюся до неразличимости логическую нить спора в сгущающихся дебрях абсурда.

От университета до студенческого общежития, в котором обретался Игнат вместе со своей хитроумной техникой, дорога по московским меркам была недалей – строго по маршруту 26-го трамвая. Всего тринадцать остановок. Про общежитие это шутили, что судьба его жителей повторяет маршрут этого самого трамвая: университет, студенческое общежитие, психиатрическая больница имени Алексеева (в прошлом Кащенко) и Даниловское кладбище. По иронии остановки на пути его следования располагались именно в такой последовательности, хоть и перемежались по ходу с другими, имеющими менее выразительные названия.

Шутки шутками, а Дом аспиранта и стажера, в сокращенном варианте ДАС, был окружен ореолом фатальности не только из-за говорящего маршрута. Иногда эту обитель иногородних студентов называли домом самоубийц. Здесь действительно с разной периодичностью случались смерти постояльцев – падения с высоты с летальным исходом. Без криминала – сплошь самоубийства. Чувствительные натуры, тяготеющие к мистике, инсинуировали на тему того, что ДАС в советскую бытность якобы был построен на месте старого кладбища и пагубная некротическая энергетика сводит с ума его обитателей. Приземленные натуры перебирали в умах более прагматичные предположения, к которым относилось и такое – не каждый готов шагнуть из беззаботного студенчества в суровую реальность взрослой жизни, с крыши шагнуть проще.

– Вот скажи мне, Игнат, зачем ты вообще поступил на этот факультет, раз тебя совершенно не интересуют профильные предметы? – Полюбопытствовал Погодин, следуя вдоль трамвайных путей по Ломоносовскому проспекту.

День выдался пасмурным. Сплошь сизое небо нависало над городом как огромный брезентовый тент, сквозь который местами просачивается приглушенный солнечный свет. Это был один из тех дней, когда освещение держится одинаково и утром, и днем, вплоть до самых сумерек, навевая ощущение безвременья. Даже ветер под таким небом чудился нездешним – он закручивал на асфальте воронки пыли, путался в кронах деревьев, а при сильных порывах казалось, что небесный тент вот-вот качнется и оседет на величественную постройку проспекта.

– Это уж куда ЕГЭ завел. Можно сказать, случайно получилось. – Игнат отвечал рассеянно. Со свойственной ему непосредственностью он озирает уютный салон «Гелендвагена», ощупывал кожу на сиденье, тыкал пальцами в приборную панель, разве что в бардачок не сунулся.

– Ты случайно выбрал профессию?

– Мирослав Дмитрич, ну какая же это профессия? – Он покосился на педагога, и в том, как сложились веселые морщинки в уголках его смеющихся глаз, Погодин разглядел сочувствие.

– А что же это?

– Так, формальность. А факультет ваш для меня просто перевалочный пункт. Я документы на поступление подавал сразу в несколько вузов. Баллы по ЕГЭ у меня хорошие, но не так, чтобы дверь ногой в любой универ открыть. А у вас на факультете хоть и МГУ, а конкурс маленький. Вот мне и обломилось бюджетное отделение, да еще и с общагой. Как тут отказаться? Мне ведь главное в Москве зацепиться, а диплом этот так – филькина грамота.

– И что же ты в Москве с филькиной грамотой делать собираешься?

– Так ведь я в компьютерные гении мечу, вы еще не поняли?

– Начал уже догадываться.

Мирослав взял левее, уходя с проспекта на улицу Вавилова.

– В этом деле главное – призвание и практика, – продолжал рассуждать Игнат. – Так что можете не переживать, не пропаду. Подождите, я, может, еще Стива Джобса переплуну.

– Тогда я спокоен. На малую родину возвращаться, значит, не собираешься?

– В Пензу? Смеетесь? Я и так оттуда еле ноги унес – пятки сверкали.

– А чем там плохо?

– Да всем там плохо. Конечно, откуда вам знать, вы и жизни-то не нюхали. Сын олигарха. – Тищенко хмыкнул и отвернулся к окну: – В вашем словаре слова «безнадега» даже нет, наверное, первый раз слышите. А я с этим словом родился и вырос. Кислое оно, так что скулы сводит, а выплюнуть его не получается, приходится жевать. Вы бы пожили, Мирослав Дмитриевич, в Пензе, так, чтоб на одну зарплату матери-уборщицы и с папой-алкоголиком, посмотрел бы я на вас. Да еще и сверстники сплошь имбецилы, гопота, во двор лишний раз выйти – мусор вынести – и то не по себе. Что мне делать там? Заучивать матерные слова и тренироваться плевать дальше всех, сидя на корточках? Усиленно деградировать, чтобы вписаться в социум и до конца своих дней на заводе гайки закручивать? Не вписываюсь я в реалии Пензы, не из того я теста, и возвращаться туда не собираюсь ни за какие коврижки.

– Я тебя понял. На что же ты в Москве живешь? Неужели на стипендию?

– На стипендию... – Игнат рассмеялся. – Вы как что скажете, так хоть стой, хоть падай. Я уже начинаю получать удовольствие от общения с вами. У меня же хвосты, вашими, кстати, молитвами в том числе. Мне стипендию вообще не начисляют. А то, что падало на карточку в первом семестре, – мышьи слезки. Проживешь на нее, пожалуй.

– На что же ты живешь?

– Так, перебиваюсь чем бог пошлет, как говорится. За символическую плату всей общаге ноуты настраиваю, прокачиваю, починяю. Да и мама у меня сердобольная, хоть и получает копейки, а посылки с каким-никаким провиантом шлет исправно. И пацаны, соседи, не дают пропасть, делимся друг с другом. Общажное братство – считай, одним миром мазаны. Но эти трудности так, фигня, главное – общага бесплатная. За время учебы надо будет работу хорошую подыскать, чтобы, когда из ДАСа попросят, без проблем квартиру в Москве снять, и всё – дело сделано. А то ведь некоторые учатся пять лет, стараются, сессии сдают на отлично, а потом бац – диплом философа в зубы, и гуляй, Вася, на все четыре стороны. Вот они и гуляют с крыши ДАСа об асфальт, потому что куда им с дипломом философа идти, пусть и красным? Разве что в родные пензы и тмутаракани возвращаться. А возвращаться туда ой как не хочется. Но я все заранее продумал, меня этот момент вручения диплома врасплох не застанет, я к тому времени почву подготовлю.

– Зря ты, Игнат, философией манкируешь, смотри-ка, какие у тебя многообещающие задатки.

– Эх, Мирослав Дмитриевич, я вам о таких серьезных вещах повествую. Можно сказать, о самой сути бытия, об изнанке жизни! А вам все шуточки.

– Какие уж тут шуточки...

Серая громадина ДАСа выросла по левому борту машины как гидра из болотного тумана. Сначала взору открылась торцевая сторона одного из корпусов – серая узкая стена, разлинованная бетонными сваями как улей сотами. Она высилась на семнадцать этажей, и с земли казалось, что на самой верхотуре задевает низкие тучи. С улицы, проходящей вдоль внутреннего двора общежития, здание открывалось во всей красе: два огромных, вытянутых в длину корпуса, по форме напоминающие открытые книги, соединялись между собой длинным застекленным коридором. Однако внутри хмурой на вид громадины кипела веселая студенческая жизнь. Получив пропуск и миновав пост охраны, Мирослав занял очередь у лифта. Со второй попытки они с Игнатом все же втиснулись в тесный металлический короб, который доставил их на восьмой этаж.

Комнату Игнат делил с тремя однокурсниками, двое из которых сейчас отсутствовали, а третий лежал на кровати, читая книгу. Погодин его сразу узнал: прилежный ученик, такие оканчивают учебу с красным дипломом. Увидев Мирослава, отличник изменился в лице и почему-то стыдливо спрятал под покрывало книгу – детектив Платовой. Но Игнат быстро решил неловкую ситуацию, потянув Погодина в свой, почти приватный закуток. Его от осталь-

ного пространства комнаты отгораживал большой выдавший виды шкаф, подозрительно накрашенный вбок. Вдоль задней стенки шкафа стояла кровать Игната, упираясь изножьем в стену с большим окном в разошедшейся раме. Шторы над окном не было, но двойные, изрядно запывшиеся стекла вряд ли допускали в комнату яркие солнечные лучи.

– Ну вот. Это то, ради чего мы с вами сюда и приехали! – Сказал Тищенко, указывая на свой стол.

На столе, заваленном всякой всячиной, аккуратно лежал ноутбук. Выдавший виды 14-дюймовый «Асус» с изрядно покоцанной крышкой. Навскидку Погодин определил, что машине лет пять, не меньше. Он даже усомнился в работоспособности этой раритетной штуковины. Игнат меж тем любовно погладил обшарпанный корпус, присоединил зарядное устройство и открыл крышку.

– Да уж, крутая техника. Это стоило увидеть, – не удержался от комментариев Погодин, присаживаясь на потрепанный стул.

– Вы, Мирослав Дмитриевич, не разбираетесь, вот и не высказывались бы. Этот ноут только с виду неказистый, а начинку его я сам прокачивал.

– Боюсь даже представить, что там.

– Там жесткий диск на два терабайта, браузер «Тор», операционка «РедСтар» в качестве виртуальной машины и много чего еще. Хотя кому я это все рассказываю... – Тищенко нарочито небрежно обронил последнюю фразу и почесал огненную макушку. Погодин не сдержался и отвесил ему шутливый подзатыльник.

– Давай уже, гений, запускай свою шарманку.

– Ладно, погнали.

Пальцы Игната забегали по клавиатуре, на экране замелькали заставки.

– Итак, Мирослав Дмитриевич, приготовьтесь к лекции. Рекомендую конспектировать.

– Какой ты, оказывается, мстительный.

– А то. Итак, согласно теории нетсталкеров в Интернете существуют четыре уровня глубины сайтов. Уровень Д – верхний, он доступен всем пользователям сети без исключения. В общем, детский сад и контент, который не противоречит законам РФ. Ну там сайты новостные, почта, тематические сайты с кулинарными рецептами и прочее. В общем, все, чем вы день изо дня пользуетесь. Вот типичный пример сайта уровня Д.

Через обычный браузер «гугл хром» Игнат открыл сайт Mail.ru и прошелся по вкладкам.

– С этим понятно, дальше что?

– А дальше, как водится, интересней. Есть ведь еще и Deepweb, по-русски говоря, «глубокий Интернет». Считается, что именно сайты дипвеба составляют 80 – 85 процентов от всех ресурсов глобальной сети, оставшиеся процентов пятнадцать приходятся на обычные, всем доступные сайты. Но для того, чтобы в дипвеб войти, нужен специальный браузер. В нашем случае это «Тор».

Игнат кликнул иконку в виде серо-зеленого шара на рабочем столе. На экране возникла с виду обычная интернет-страница. Поле в адресной строке было пусто. На самой странице красовалась сиреневая луковица с вырезанной четвертиной и надпись: «Вас приветствует Tor Browser. Теперь вы можете просматривать интернет-сайты в анонимном режиме».

– В анонимном режиме – это как? – Уточнил Погодин.

– А очень просто. Вот, например, заходим мы через «Тор» на тот же «Яндекс» или «Гугл»...

Он вбил адрес, и на экране возникла привычная заставка «Яндекса». Только новостные заголовки в верхней части экрана были не на русском, а на украинском языке, местоположение определялось как «Киев», а адрес сайта заканчивался не на .ru, а на .ua.

– А теперь ждем сюда.

Курсор взметнулся в верхний левый угол меню, кликнув на уменьшенный логотип с луковицей. В результате на экране развернулось окошко, в котором значилось: «Цепочка Тор для этого сайта: этот браузер – Германия (46.252.26.2) – США (107.181.174.22) – Панама (185.170.42.18) – Интернет».

– Видите цепочку адресов? Это значит, что, зайдя на любой сайт через Тор, вы можете жестко нарушать законы РФ и никто вас ни за какое место не схватит. Например, банк хакнуть. Если вас попытаются вычислить по IP-адресу, то для начала придется отправить запрос спецслужбам Германии, потом США, потом Панамы, и только после того, как все они предоставят информацию, что вряд ли, появится шанс вычислить ваш реальный IP-адрес. А еще вы можете запросить у поисковиков что-нибудь строго запрещенное, что жестко отслеживается, например, извращенскую порнографию, или, допустим, наркотики, или там киллера найти. Прикольно, да?

– Что-то пока не очень. – Погодин выразительно покосился на Тищенко. Восторг на физиономии последнего тут же сменился серьезной миной.

– Но нам браузер «Тор» нужен, конечно, не для этих целей. Это только присказка, а сказка впереди. – Поспешил успокоить его Игнат. – Просто без такого браузера вы не сможете попасть в дипвеб, который и скрывает от вас, ньюфажек, еще три уровня Интернета: С, В и А. Уровень А – нижний и самый труднодоступный. Считается, что именно на нем и существует Тихий дом – конечная цель поисков нетсталкеров и предмет вашего личного интереса, Мирослав Дмитриевич.

– Что за уровни?

– Уровнями их, конечно, можно назвать условно. То есть нижние уровни сети – это не ступеньки, по которым спускаешься все ниже в глубины дипвеба. Здесь под глубиной подразумевается скорее сложность нахождения того или иного сайта. Например, сайты верхнего уровня Д доступны каждому пользователю Интернета и индексируются поисковиками – ввел запрос в браузере, получил кучу ссылок. Сайты уровня С поисковиками не индексируются, и зайти на них через обычный браузер нельзя. Только через «Тор» или что-то аналогичное. У этих сайтов другие домены. При этом в «Торе» вообще нет такого поисковика, как в обычных браузерах. Здесь нужно использовать прямые ссылки, заранее зная адрес сайта, либо искать их, сканируя диапазоны, используя рандомайзеры и другие нетсталкерские ухищрения. Чем сложнее найти сайт, чем тщательней он скрыт от посторонних, тем больший уровень глубины ему присваивается, допустим, уже не С, а В или А. Вот смотрите...

Игнат скопировал в адресную строку «Тора» ссылку, в которой была сплошная абракадабра, единственными узнаваемыми словами среди прочих символов здесь были wiki и .onion. На экране открылся сайт, в точности копирующий интерфейс до боли знакомой «Википедии». Только логотип в верхнем правом углу сообщал, что это скрытая «Википедия» – The Hidden Wiki. Погодин сразу подметил – единственная задача этой страницы навигационная. Здесь располагались сгруппированные по категориям ссылки. Среди прочих подборок в глаза бросались «наркотики» и «эротика», «скрытые социальные сети», «финансовые сервисы». Также сайты классифицировались по странам. В категории русских Мирослав отметил сервис продажи клонированных банковских карт, анонимной покупки и продажи биткоинов, социальную сеть «Опасные связи» для людей «с аморальными интересами» и пиратский книжный сервис «Флибуста».

– Но это только поверхность дипвеба, – прокомментировал Игнат, пока Мирослав рассматривал страницу. – Доступная каждому пользователю анонимного браузера, а потому не интересная нетсталкерам. Мы ищем в сети то, что скрыто. Например, закрытые и частные сервисы, когда-то удаленные страницы или «выпиленные» из-за нарушений, закрытые базы данных различных учреждений с секретной информацией и так далее. В общем, то, что не предназначено для посторонних глаз. Такие находки в зависимости от ценности и странности их

содержания уже можно отнести к категории В. Ну и самый скрытый объект сети, самое ее дно, это, как я уже говорил, Тихий дом. Это категория А. Еще к этой категории можно отнести внутренние правительственные сети, типа ARPANET*, но ничего подобного никто уже тысячу лет не находил.

– Можно про Тихий дом поподробнее?

– А вот с подробностями загвоздка. Как же я могу рассказать подробности про Тихий дом, если я там не был? А если кто и был, то обратно не вернулся. Это как с раем и адом, все о них говорят, а вот поподробней, на собственном, так сказать, опыте, рассказать никто не может. Тихий дом – это что-то вроде нетсталкерского рая, с предварительной аудиенцией у высшего разума. – Тут Игнат скорчил забавную гримасу, сложив брови домиком, из чего следовало, что он сам относится с иронией к высокопарному сравнению: – Одни считают, что попасть туда можно в результате инфоперегрузки, поглощая все больше и больше информации, которую таит сеть. Типа на определенном этапе мозг не выдерживает, и тут раскрываются его скрытые резервы. Типа просветления. Другие склоняются к теории белого чата. Якобы где-то на дне сети есть сайт. Там только белый фон и чат, и вот, начав разговор в этом чате, выходишь на прямой контакт с обитателем Тихого дома, что дальше – покрыто мраком. Так или иначе, путь туда лежит через глубины сети.

– Я так понимаю, чтобы добраться до Тихого дома, нужно разгрести огромную кучу навоза – всей этой чернухи. И под ней, как ты это называешь – на дне сети, возможно, найдется чистая и нарядная дверь в Тихий дом.

– Ну, наверное, можно и так сказать.

– Слушай, Игнат, может, ты знаешь кого-то, кто подходил к Тихому дому максимально близко и может проконсультировать меня более предметно?

– Ну знаю, – почесал макушку Тищенко. – Это глава нетсталкерской группы, в которой я состою. Личность в каком-то смысле легендарная. Только я сильно сомневаюсь, что он захочет с вами встречаться. Я и сам его живьем не видел, общаемся только по сети.

– А ты скажи ему, что я расследую смерть человека, который, возможно, нашел Тихий дом.

– Врете! – вскинулся Игнат.

– Ты думаешь, у меня может быть другая причина копаться в этом вашем... дипвебе?

Пообещав Погодину передать его просьбу нужному человеку, Игнат выпроводил педагога и наконец-то приступил к любимому занятию – погрузился в изучение сети. Но не прошло и получаса, как ему пришлось отвлечься – в дверь постучали. Игнат соорудил недовольную гримасу и направился открывать. Однако на пороге никого не оказалось. Вместо визитера он увидел перед дверью несколько бесхозных белых пакетов, до отказа набитых едой.

– Ну Мирослав Дмитрич! Как я теперь все это в наш холодильник запихну? – Крикнул Тищенко в сторону лестничной площадки.

Погодина этот возмущенный вопль застал в пролете между восьмым и седьмым этажом. От ответа он решил воздержаться, только усмехнулся очередному выпадку вечно недовольного Игната и легкой быстрой поступью продолжил спуск.

Уровень D. Глава 9

– Слушай, Ваня, какая-то мутная история с этим Тихим домом. Я тут прояснил для себя некоторые моменты и готов изложить все, что знаю, при встрече. В общем, я бы покопал в этом направлении.

Погодин позвонил в тот момент, когда Иван Андреевич, сидя в своей колыхающей, дожевывавшей вторую шаурму, купленную неподалеку от дома Скворцовых. Деликатесом он разжился у шустрых и вертлявых гостей столицы, судя по характерным внешним признакам, прибывшим из Средней Азии. В тесной палатке чадили раскаленные вертела, на которых вращались истекающие жирком распяты куры; напластованное на спицу мясо лениво поворачивалось к оголодавшему то одним боком, то другим, демонстрируя себя, как уставшая от жизни жрица любви в преклонных годах. Жар от закопченных грилей заполнял тесное помещение, поглощая кислород, будто не мог нащупать маленькое квадратное окошко, чтобы выбраться наружу.

Не то чтобы этот антураж сильно способствовал пробуждению аппетита, но Иван Андреевич был голоден и непривередлив – так уж сложилось, что жизнь его не баловала, а все больше закаляла. Поэтому, набрав в грудь густой от жара и запахов еды воздух, он смиренно занял место в очереди, оказавшись третьим. Перед ним стоял с виду сильно уставший мужчина с взлохмаченной головой. Рабочая роба на нем была щедро припорошена строительной пылью. Сама стройка виднелась из палатки. Растущий ввысь бетонный каркас ограждал забор, на котором красовалась растяжка с изображением современного строения с преобладанием хромированной стали и зеркального стекла. Похоже, и в этот затерянный на карте Москвы райончик протянулась железная рука крупного бизнеса.

Соображая, чем бы поживиться, майор наблюдал за ловкими жилистыми руками азиата в заляпанном белом халате, который споро шинковал разноцветные овощи. Дождавшись своей очереди, Замятин тщетно попытался заглянуть в раскосые глаза продавца, будто желая убедиться в его благонадежности, но так ничего и не рассмотрел в двух узких щелках. С некоторым сомнением покосившись на мясо, он все же озвучил заказ. Бумажника он не носил и имел весьма неудобную привычку распихивать деньги по карманам. Когда на стойку рядом с ключами, парой случайно прихваченных смятых чеков, зажигалкой и мелочью легла красная корочка, глаза азиата заметно расширились. «Эх, миграционщиков бы сюда», – вяло подумал Иван Андреевич, сгреб со стойки пожитки, забрал шаурму и поспешил на воздух.

У него и без того голова шла кругом. Что за ересь такая – переход в другую реальность, параллельный мир какой-то. Как прикажете реагировать на такие показания: Лиза погибла потому, что ее затянуло в зазеркалье. И это рассказ того свидетеля, на которого он возлагал особые надежды? А надежды заключались в том, что Катя сообщит о вполне реальных проблемах девочки: возможно, она влипла в какую-то историю; связалась с плохой компанией; испытывала прессинг со стороны взрослых. Замятин рассчитывал узнать те секреты, которыми может владеть лишь лучшая подруга. Он поразился бы меньше, если бы услышал, что Лиза, например, подрабатывала распространителем наркотиков в школе и была ликвидирована, проявив норов, или что-то из этой серии, но никак не о путешествиях в потусторонние реальности. Неудивительно, что Погодин заинтересовался – его хлебом не корми, а корми его такими вот байками. Но, с другой стороны, Мирослав-то тут при чем? Это ведь он, Замятин, заварил эту кашу, а Погодин лишь проявляет дружеское участие.

– Я, блин, похоже, тоже прояснил для себя некоторые моменты, – со вздохом сообщил майор в трубку. – Если мы говорим об одном и том же, то ты понимаешь, да, что я по поводу этих моментов думаю?

В динамике раздался смех Мирослава, который у майора почему-то ассоциировался со смесью черного и белого перцев в горошинах, с глухим стуком просыпающихся на гладкую поверхность.

– Понимаю, Ваня. Зная тебя, отлично понимаю. – Весело заверил его собеседник. – Я ведь ни на чем не настаиваю. Дело это твое, и тебе решать – раскапывать его или забыть как страшный сон.

– Раскапывать, Мир, раскапывать, – снова вздохнул Иван Андреевич. – Подружка Лизы заговорила. Пока невнятное что-то буровит, и тоже все больше про дом этот тихий. Но раз начала говорить, то надо до конца разобраться для очистки совести.

– Значит, давай встречаться. Ты уже обедал?

Замятин с тоской покосился на зажатый в руке огрызок рулета с сомнительной начинкой. С тех пор как Лис сообщила, что ей «нужно обо всем подумать», и умотала обратно в свою Норвегию, Иван Андреевич снова вернулся к тяготам холостяцкого быта. Бардак и запустение царили в его домашнем хозяйстве вот уже полтора месяца. О том, чтобы самому озадачиваться приготовлением пищи, он даже не помышлял. При его-то графике. С его-то не проходящей головной болью о нераскрытых и новообразовавшихся делах. А ведь если бы Лис была при нем, то сейчас он не давился бы подозрительной шаурмой, а вкушал любовно приготовленные ею сэндвичи. Не исключено, что они были бы с ломтиками лосося, хрусткими листьями зеленого салата и мягким творожным сыром на продолговатых булках. *Norway style*, – приговаривала Лис, вручая ему по утрам бумажный пакет с перекусом.

В том, что Лис любит его, Замятин не сомневался. Как и в том, что мог бы остановить ее, сгрести в охапку, прижать к себе и растопить в масле затвердевшее в ней решение уехать, подумать. Но делать этого он не стал – он тоже ее любит. Кажется, любит. Замятин не был склонен к пафосу и розовым соплям, поэтому словом «любовь» раскидываться не привык. Но он точно знал: он хочет, чтобы Лис была счастлива. Конечно, в отношении нее он испытывал и другие желания, по большей части куда менее возвышенные. Но видеть ее счастливой – доминировало над всеми прочими. Наверное, это и есть любовь, думал он. А сможет ли он сделать ее счастливой? Любить сможет, оберегать сможет, сгребать в охапку и заваливать в кровать – да сколько угодно. Но достаточно ли этого для того, чтобы она была счастлива вполне?

Над их поначалу бесшабашно счастливым союзом со временем нависло пасмурное облако того, что называют разницей менталитетов. Казалось, алогичная страна Россия, которая издавна виделась Лис забавнейшим объектом изучения, и носящий ее в себе, как Кай льдинку в сердце, Замятин стали сводить рациональную норвежку с ума. Захватив Лис в свое магнитное поле, Россия потянула ее все глубже, в самую свою сердцевину, туда, где внешний хаос подчинен особым, непостижимым европейскому уму законам. И в центре этого хаоса находился Иван Замятин со своей беспокойной, подчиненной тем же законам жизнью. С ненормированным рабочим графиком; живущий одним днем и пугающе весело смеющийся при одном только упоминании понятия «планирование жизни». Человек, который среди ночи срывается куда-то по звонку, а вернувшись, вешает кобуру на сушилку для полотенец и засыпает в кресле, пока Лис заваривает ему чай.

Она не могла его просчитать, не могла представить, каким он будет через пять или десять лет. И это пугало. Но больше всего ее пугало то, что как бы ни пыталась она в своих фантазиях усадить постаревшего Замятина в уютное кресло возле камина и заставить его благодушно созерцать пламя домашнего очага в окружении большого семейства, это никак не получалось. Даже в ее воображении Иван Андреевич расслабленно и умиротворенно в этой идиллической картинке вести себя не хотел. Поэтому она сказала ему, что ей «нужно обо всем подумать», и уехала, а он отпустил. Ведь он не мог пообещать, что когда-нибудь вдруг изменится, перестанет быть собой и мимикрирует под благонадежного во всех отношениях и скучного норвега. Пообещать, конечно, мог, но врать не хотел. Готова ли она быть с ним, таким вот несуразным, решать ей. И делать это надо осознанно и взвешенно, отдавая себе отчет во всех возможных последствиях.

– Даже не знаю, как правильно ответить на этот вопрос, Мир, – честно признался Замятин, отогнав мысли о Лис.

В трубке снова просыпалась перечная смесь погодинского смеха.

– Все с тобой ясно. В общем, приглашаю тебя на поздний обед. Для того чтобы переварить такую информацию, твоему мозгу потребуются быстрые углеводы.

– Не уверен, что мой мозг справится с этим бредом даже при помощи быстрых углеводов. Но жрать, откровенно говоря, хочется. Тут ты угадал.

Встретиться договорились в одном из излюбленных мест Мирослава – на крыше «Ритц-Карлтона». Майору от Скворцовых до центра пилить было прилично, но, один черт, на Петровку придется ехать. У него помимо этого заведомо гиблого предприятия с частным расследованием смерти Лизы Лаптевой дел по горло, причем таких, за которые ответ держать придется не перед эфемерной совестью, а перед вполне реальным начальством.

Проходя мимо охранника у дверей элитного отеля майор насупился – костюм на блюстителе покоя этого олимпа был дороже, чем весь его гардероб. Замятин никогда не комплексовал из-за своего простецкого вида, но подобные места все равно вызывали в нем дискомфорт. Эти безукоризненно выскобленные стены странным образом довели над простыми смертными, стоило к ним приблизиться вплотную, будто безупречность добавляла им веса, как реклама цены самой простой безделице. Однако сотрудник местной службы безопасности пристально разглядывать будничное облачение Замятина не стал. Оглядел одним махом, задержался на лице, и по глазам его Замятин понял – признал за своего. Майор, в свою очередь, по цепкому взгляду тоже сразу смекнул: перед ним бывший служивый, подавшийся к частникам за длинным рублем. Рыбак рыбака видит издалека. Даже корочкой светить не пришлось.

Пройдя к лифту по начищенному до зеркального блеска мраморному полу, Замятин поднялся на нужный этаж. Перед Погодиным он предстал с видом серьезным и даже суровым, а все потому, что нарастающий внутренний дискомфорт вызывал в нем непроизвольную защитную реакцию, которая проступала на физиономии выражением «Не подходи – убьет». Погодин-то к нему давно привык, а вот рафинированная местная публика поглядывала на пришлого с интересом. Замятин же под их взглядами поймал себя на неудобной мысли: а не пропитал ли густой въедливый запах курей гриль его кожаную куртку и джинсы? А ну как теперь смрад разносится по благоухающему чертогу этих небожителей? Однако довольно скоро Иван Андреевич сообразил, чему обязан повышенным вниманием к собственной персоне. Случилось это, когда ему принесли заказ: филе норвежского лосося на гриле с пюре и спаржей. Приготовившись к трапезе, он снял куртку, закатал рукава почти до локтя, взялся за приборы и тут заметил, как гладит взглядом его руки холеная, довольно красивая дама лет сорока пяти за соседним столиком. Было в ее взгляде нечто такое, что под ним Замятин сам вдруг ощутил исходящую от себя маскулинность и особую витальную силу, которая, вероятно, диссонирует с утонченной атмосферой заведения и его завсегдатаев.

– Слушай, а ведь это не такой уж тупиковый след. – Почесал затылок майор, выслушав Погодина, который в своей лекторской манере подробно живописал все, чем удалось разжиться у Тищенко. – Я-то от подружки ее только сказки невнятные услышал. А здесь вон оно что. Может быть, она ввязалась во что-нибудь в этом дипвебе?

Дождаясь прибытия майора на место встречи, Мирослав успел скачать «Тор» на свой планшет. И теперь для наглядности теории вручил гаджет Замятину, предварительно открыв страницу скрытой «Википедии» с набором ссылок на очевидные сайты.

– Может быть, и ввязалась. Отправилась на поиски Тихого дома, а нарвалась на сайт каких-нибудь отморожков.

– Вот и я про то. Ну ты подумай, что делается, – качал головой Иван Андреевич, тыкая неуклюжим пальцем в тачскрин. – Вот тебе, пожалуйста, детская порнография, наркотики, оружие – полный набор. Взять бы этих утырков прямо сейчас за жабры. Но если я тебя правильно понял, так просто их не вычислишь.

– По айпи не вычислишь, это точно. Разве что очень сильно заморочиться и развернуть целую спецоперацию с привлечением спецслужб пары-тройки стран.

– Ага, наши компьютерные гении заморочатся, пожалуй. Я даже не уверен, что они потрудились разблокировать ноутбук Лизы. К счастью, вся эта высокотехнологичная нечисть не в моей епархии, это головная боль другого управления.

– Подожди, как это, не уверен? Вы что, не проверяли ее веб-контакты?

– Запросили доступы к ее профилям в социальных сетях у администраций сайтов. Изучили переписки. Ничего подозрительного не обнаружили. Мир, ну кто знал, что в обычном на первый взгляд самоубийстве вдруг отсветит такое двойное дно? – Занервничал Замятин, бросив нож на край тарелки.

Над столом зазвенело.

– Ладно-ладно. – Погодин показал майору ладони в примирительном жесте: – Я-то здесь при чем? Я, что ли, это придумал?

– Хотел бы я знать, кто это все придумал.

– Не исключено, что тебе представится такая возможность. Мой информатор обещал постараться организовать нам встречу с человеком, который на поисках Тихого дома собаку съел.

– Ох уж этот дом, будь он неладен, – майор сморщился и почесал затылок: – что еще за человек?

– Пока сам точно не знаю. Говорят, загадочная личность.

– Час от часу не легче, – вздохнул Замятин и сложил приборы рядом с недоеденным стейком из норвежского лосося.

Уровень доступа С

На этом уровне находится то, что скрыто от простых интернет-обывателей. Сайты уровня С располагаются в сети глубже, чем общедоступные. Можно сказать, что они спрятаны от посторонних глаз. Для того чтобы получить к ним доступ, нужно как минимум вооружиться анонимным браузером, то есть проявить стремление к познанию.

Уровень С. Глава 1

Загадочная личность обнаружилась под одной из раскидистых крон Александровского сада. Игнат сумел-таки договориться о встрече с «последним из могижан», как он в шутку называл основателя самого позднего нетсталкерского сообщества «Стэйдж». Из его краткого ликбеза Погодин понял следующее: нетсталкерские сообщества стали появляться в России в начале десятых годов текущего века, но довольно быстро распадались в силу разных обстоятельств, которым, как правило, приписывали мистическую подоплеку. Со времени появления первого из них какие-то группы и отдельно взятые личности успели обрести статус легендарных.

На сегодняшний день существующих сообществ, что называется, раз-два – и обчелся, и самым видным из них является «Стэйдж», то есть «Стадия». Основал его нетсталкер со стажем, который, по слухам, когда-то стоял у истоков отечественного нетсталкинга и входил в состав самых первых организаций, тех самых, что стали легендами. В общем, личность на своем поприще заметная и, как водится в нетсталкинге, загадочная. Видимо, с целью соблюдения кодекса своим реальным именем он предпочитал не называться и был известен в узких кругах как Рэй Менсон.

Место для встречи Рэй Менсон тоже выбрал конспиративное – Александровский сад, у Романовского обелиска. Получилось в лучших шпионских традициях – открытое пространство, большое скопление людей. К чему такая секретность, Погодин до конца не понимал, но заведомо был готов к тому, что у ребят, бороздящих просторы дипвеба в поисках параллельной реальности, странностей может быть хоть отбавляй. Их придется принять без оговорок – в чужой монастырь со своим уставом, как известно, не ходят. Вникнуть в них можно будет по ходу дела, деликатно.

Мирослав издали заметил тонкую юношескую фигуру у ступенчатого подножия многометровой каменной стелы. В таком выборе ориентира ему померещился некий символизм. Многострадальный обелиск был установлен в 1914 году в честь 300-летия царствования Дома Романовых, а после Октябрьской революции, уже в 1918 году, его превратили в памятник деятелям социалистической и коммунистической мысли и их предтечам. С вершин был сбит двуглавый орел, с основания сняты гербы, с центральной картуши убрали изображение Георгия Победоносца и вместо него разместили «Р. С. Ф. С. Р.», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Имена царей на стеле заменили Марксом, Энгельсом, Либкнехтом и иже с ними. А в 2013 году обелиску вернули первоначальный «царский» вид. Чьи имена на этих каменных плитах спустя время выпишет поколение Рэя Менсона или тех, для кого он станет предтечей?

Фигура, замеченная Мирославом, была облачена преимущественно в черные одежды – классические брюки, удлиненную куртку, из-под которой выглядывал край пиджака, а в расстегнутом вороте белела рубашка. Было в поведении этого молодого парня нечто отличительное – совсем немного, едва-едва угадываемое, но Погодин своим не в меру обострившимся шестым чувством невольно выделил эту особую волну за несколько секунд до того, как Тищенко заговорщицки шепнул: «Вон он».

Мирослав вряд ли смог бы четко и убедительно сформулировать, что именно он подметил в абрисе слегка склоненного вперед и вбок профиля – прямой, с едва заметным греческим изломом нос, на котором бликовала очечная душка; линия высокого лба, прикрытого косой прядью прямых черных волос; устремленный в задумчивости долу взгляд. Возможно, Погодин сказал бы, что нетсталкера выделяет из общей массы прогуливающихся в Александровском саду некая отрешенность, сопутствующая особому виду одиночества – одиночеству среди людей, которое увлекает мысли в собственный, незримый другим мир, имеющий мало общего с окружающей действительностью.

Замятин же не стал вдаваться в пространные размышления относительно сложной личности консультанта, проследил за направлением взгляда Тищенко и двинул бравой поступью точно к цели. Именно Иван Андреевич приблизился к нетсталкеру первым. Сделал он это решительно, будто от того, как скоро, минутой раньше или позже, они познакомятся, зависит исход всего дела. Конечно же, он не рассчитал и по простоте своей нарушил ту дистанцию, которую принято называть личным пространством, подойдя к консультанту чуть ли не вплотную. Погодину показалось, что в этот момент ощутимо соприкоснулись две разные по плотности атмосферы, а по эфемерной границе их соприкосновения пробежала воздушная рябь. Неспешно отступив на шаг назад, нетсталкер невозмутимо воззрелся на майора.

– Привет! – весело, по-свойски поздоровался Замятин так, как обычно здороваются с детьми, демонстрируя им свое расположение, и приветственно протянул собеседнику свою растопыренную пятерню. Казалось, он испытал облегчение, увидев на месте «загадочного и неуловимого» эксперта субличного юношу, не внушающего особого трепета, и на радостях отбросил и без того нехитрый набор светских масок, который имелся в его распоряжении.

Темная изогнутая бровь над тонкой дужкой очков дрогнула, на мгновение изменив угол изгиба, но тут же вернулась в прежнее положение. Лицо гения новой формации снова стало невозмутимым. Он протянул Ивану Андреевичу ладонь с длинными бледными пальцами, которые тут же почти полностью скрылись в горячем рукопожатии майора. Следующей на оче-

реди была протянутая рука Мирослава. Интуитивно он посчитал нужным сгладить впечатление от разнузданно-панибратской манеры Замятина.

– Добрый день, Рэй. Я Мирослав, рад знакомству. Вам как удобней общаться, на «ты» или на «вы»?

– Я предпочел бы пока общаться на «вы».

Голос у того, кто назывался Рэем, был вкрадчивый, звонкие согласные перекачивались в его речи как мелкая галька в морской пене, и даже легкая картавость слышалась не изъязном, а мерным баюкающим рокотом прибоя. Черные глаза, контрастируя с бледной кожей, смотрели на вопрошателей прямо, уверенно, но без вызова. В лице приглашенного консультанта угадывалось лишь терпеливое ожидание того момента, когда разговор перейдет в конструктивное русло.

«А парень из интеллигентов, причем, похоже, потомственных. Такая повадка – скорей генетическое, не наживное», – решил про себя Мирослав. Иван Андреевич же едва слышно крикнул, уяснив просьбу обращаться на «вы», но, заметив (что удивительно) косой, неласковый взгляд Погодина, начал откашливаться, будто прочищая горло. Тищенко возбужденно почесал огненную макушку, и в его самодовольной ухмылке Погодин прочитал: «Ну что, съели, Мирослав Дмитрич?» Игнат пожал тонкую руку нетсталкера с таким жаром, что в нем легко можно было угадать подобоострастие, хотя Рэй по виду был одного с ним возраста. При этом, стоя друг напротив друга, смотрелись ровесники контрастно – как черный ворон и тропический попугай. В рыжем, одетом в пестрое Тищенко, которому сложно было сохранять спокойствие более пары минут, чувствовалась соответствующая возрасту мальчишеская легкость, а вот невозмутимый нетсталкер будто был отягощен грузом еще не прожитых лет.

– Чем могу быть полезен? – Не стал затягивать паузу Рэй и мельком взглянул на наручные часы, давая понять, что праздного времени в его распоряжении не имеется.

– Тут такое дело... – опередив всех, начал Тищенко. Было заметно, что ему уж очень хочется вживую пообщаться с «последним из могижан. – Похоже, одна ньюфажка нашла Тихий дом. Нашла и погибла.

Сказано это было с ажитацией, предполагающей эффект разорвавшейся бомбы. Но Рэй не спешил впечатляться.

– Почему ты уверен, что нашла? Доказательства есть? Находки?

– Никто ни в чем не уверен, – вмешался Замятин. – Погибла девочка, спрыгнула с балкона высотки. Все, что она написала в своей предсмертной записке, были слова «Тихий дом». Мы пытаемся понять, почему она написала именно их и есть ли в них ключ к причинам ее смерти.

Положа руку на сердце, Иван Андреевич на этого странного типа особых надежд в расследовании не возлагал. Просто потому, что в существование Тихого дома в том контексте, в котором о нем говорилось, конечно, не верил. И в его сверхъестественную силу, соответственно, тоже. Однако же после краткой экскурсии по дипвебу, которую устроил ему Погодин, у него возникла логичная мысль: может быть, в поисках Тихого дома, плутая среди сайтов различных отморожков, Лиза попала в самую реальную беду? Познакомилась с кем-то из тех, кто предлагает наркотики, промышляет детской порнографией и тому подобным, и это знакомство стало фатальным?

С такой версией работать вполне можно, вопрос только – как? Компьютерные гении из его отдела ему в этом точно не помогут. От них по официальным запросам информации не дождешься: то технику у них глючит, то работы много, то «зайдите после обеда». А тут расследование вообще неофициальное – головная боль, которую Иван Андреевич обеспечил себе исключительно по собственному желанию. Поэтому он и согласился на встречу с этим Рэем, прости господи, Менсоном. Может, и будет от него толк, несмотря на закидоны. Да и для общего развития нелишним будет посмотреть на тех, кто населяет пространство дипвеба, от

которого, как подсказывала неутомимая чуйка, сюрпризов у органов правопорядка будет еще много.

То русло, в которое сейчас направлял беседу воодушевленный встречей Игнат, Замятину не импонировало вовсе. Поэтому он положил на плечо маленькому вертлявому помощнику свою увесистую ладонь, сдерживая его рвение, и поспешил внести ясность:

– Вы можете выяснить, чем она занималась в сети? Не попала ли в какой-нибудь переплет?

– Переплеты, как вы выразились, в сети бывают разные. Вы что именно имеете в виду? – Уточнил Рэй.

– Я имею в виду этот ваш дипвеб и сборище маргинальных личностей, которое в нем ошивается.

– А вы много знаете про дипвеб?

– Да мне и пары сайтов хватило, чтобы все понять.

– Забавно. Я вот давно уже изучаю это пространство и далеко не все еще про него понял. Вы, вероятно, гораздо сообразительнее меня.

Иван Андреевич нахмурил смятые брови, которые из-за своей бесцветности едва различались в солнечном свете, несмотря на довольно густую поросль. Зато надбровные дуги у него были куда выразительней – рельефные, массивные. Сейчас они напряглись как бицепсы перед схваткой, обозначив собой два вопросительных знака, которые будто в удивлении склонились к переносице. На лице майора отразилась тяжелая работа мыслей. Пока он соображал, как отреагировать на изящный выпад собеседника, Рэй решил перенять инициативу.

– Я правильно понимаю, что эта девочка увлекалась нетсталкингом?

– Ее подруга утверждает, что Лиза искала в сети путь в Тихий дом. А насчет нетсталкинга... – на этот раз Замятин задумался еще крепче. – Может, мне наконец кто-нибудь толком объяснит, что за нетсталкинг такой?

– Понятно. Вы знаете значение слова «сталкер»? – Поинтересовался Менсон.

– Ну уж не такой я темный, – почесал затылок Иван Андреевич. – Это исследователи разрушенных зданий и заброшенных территорий, таких, например, как зона отчуждения Чернобыльской АЭС. Если я ничего не путаю.

– Не путаете. Нетсталкеры занимаются тем же самым, только на просторах Интернета, открытого и скрытого. Сталкеры ищут аномальные зоны и различные артефакты в реальном мире, а мы, нетсталкеры, занимаемся тем же самым, но в сети. Упомянутые мной находки – это и есть артефакты, которые нетсталкеры находят в процессе своих исследований. Если смерть этой девочки действительно хоть как-то связана с Тихим домом, она должна была найти много сетевых артефактов. Причем совершенно уникальных.

– Какие артефакты можно найти в Интернете? Запрещенный порносайт? – Ухмыльнулся Иван Андреевич.

– Примитивно мыслите. Сеть полна загадок и тайн. Это для вас она состоит из разрешенного и запрещенного, а для нас из объяснимого и необъяснимого. Знаете ли вы, например, о том, что помимо Интернета в привычном его понимании и дипвеба есть еще и Darknet. Если по-русски, темный Интернет, директория внутренних правительственных сетей и секретных материалов? Есть и еще одно понятие – мистический Deep-web. Это директория Тихого дома.

– Я обрисовал им в общих чертах, – вклинился Игнат.

– Так вот, на этих просторах иногда находятся файлы, содержание которых выходит за границы здоровой логики, – размеренно вещал Менсон, прямо глядя на майора и совершенно игнорируя его плохо скрываемую ухмылку, в которой читался скепсис. – Непонятно их происхождение: они содержат некие послания, требующие расшифровки. Находкой нетсталкера может быть любой сетевой файл, происхождение или содержание которого кажется загадочным, необъяснимым, сверхсекретным. Это может быть видео или текст, трансляции с

камер наблюдения различных объектов или частных компьютеров. Про Тихий дом сразу скажу: никому еще не удалось доказать, что он на самом деле существует, но это главная цель поисков нетсталкеров. По легенде, Тихий дом – это низшая точка сети, потаенное дно, чтобы добраться до него, нужно пройти сквозь все уровни сети, узнать все ее тайны, и как апогей виртуальности явится он. Но Тихий дом – это и точка невозврата, в лучшем случае – переход на новый уровень сознания, а в худшем... никто не знает. Тот, кто всерьез ищет его, должен быть готов к тому, что его земная жизнь может оборваться. Как именно это происходит, неизвестно.

– Ерунда какая-то, – прыснул Замятин.

– Тогда я не понимаю, чем могу быть вам полезен, – пожал плечами Рэй и поправил ремень от сумки.

– Иван Андреевич не это хотел сказать, – поспешил вмешаться Мирослав.

– Да, я хотел сказать, что больше склоняюсь к версиям, которые не связаны с мистикой. Я рассчитывал, что вы сможете выяснить, какими путями гуляла девочка в этом вашем дипвебе и не нарвалась ли случайно на тех, кто помог ей расстаться с жизнью, – уточнил майор.

– Могу я узнать подробности ее смерти?

Замятин стал излагать историю гибели Лизы Лаптевой в протокольной манере, сухо и по существу. Мол, девочка хоть и была непростая, но трагедии ничто не предвещало: серьезных конфликтов накануне смерти не было, в предсмертной записке всего два слова «Тихий дом» и никаких пояснений. Тело обнаружили под окнами многоэтажки, падение классифицировали как «прыжок или падение с большой высоты», следов борьбы на теле нет. Подруга погибшей утверждает, что та Тихий дом в сети искала и открыто об этом заявляла. «Давние порезы на руках были», – вклинился Тищенко. «Порезы при этом неглубокие, не похоже, что с их помощью Лиза хотела причинить себе серьезный вред. Но многочисленные и разной давности», – пояснил Мирослав.

Рэй слушал внимательно. Переводил взгляд умных глаз с одного рассказчика на другого, иногда механически поправляя очки. Под конец Иван Андреевич предъявил нетсталкеру фотографию записки Лизы. На экране его телефона высветилась надпись «Тихий дом», выведенная округлым школьным почерком на белом тетрадном листе в клетку. Проведя пальцем по экрану, майор зачем-то показал собеседнику и следующий кадр – хрупкое тело в изломанной позе на окровавленном асфальте. Лиза лежала на животе, голова повернута влево, профиль почти полностью скрыт черными волосами. Однако в зазоре между прядей можно было увидеть открытый глаз с серо-голубой радужкой. Взяв в руки телефон майора, Рэй внимательно, как замороженный, разглядывал этот кадр, приближая и перемещая по экрану снимок.

– Любопытно, – наконец сказал он без всякого выражения.

– Вам в ее смерти что-то кажется странным? – Спросил Мирослав, зеркала абсолютную невозмутимость нетсталкера.

– Мне вообще все кажется странным. Я, можно сказать, специалист по странностям и видел их много. Именно это и подразумевает увлечение нетсталкингом.

– Не подскажите ли, что за сетевые артефакты вам уже удалось найти? – Поинтересовался майор, и в интонации его даже не самый проникательный человек мог считать сарказм.

– Боюсь, мы с вами не настолько хорошо знакомы, чтобы я мог поделиться такой личной информацией. Находки нетсталкеров – это ценная, можно сказать, интимная вещь. Каждая нетсталкерская группа ревностно их оберегает и опасается утечки.

– Вас, Рэй, возможно, не проинформировали, но я майор полиции, – для убедительности Замятин достал из кармана удостоверение.

– Это вовсе не гарантия того, что когда-нибудь мы с вами достаточно сблизимся, – спокойно парировал собеседник.

– Можем мы хотя бы узнать ваше настоящее имя? – Замятин явно терял терпение. На обращение «ваше» он сделал ударение и чуть было не отвесил нетсталкеру поклон.

– Я предпочел бы и с этим не спешить.

Тут запас терпения Ивана Андреевича, кажется, достиг критической отметки. Он весь подобрался, вытянулся, сунув руки в карманы джинсов, запружинил на месте как натянутая тетива. Подбирая слова, он осматривал нетсталкера красноречивым взглядом: начиная с недо-рогих, но аккуратных ботинок и до самой макушки. Внимательно, будто пытаясь углядеть на нем слабое место. Тут только он заметил, что под расстегнутой курткой Рэя, на лацкане его пиджака, пестрит значок: изогнутый развевающимся флагом красный прямоугольник, в центре которого красуется фотография крайне веселого мужчины азиатской наружности. Приглядев-шись, Замятин узнал на фото Ким Чен Ира. Развеселая улыбка почившего лидера Корейской Народно-Демократической Республики окончательно деморализовала Ивана Андреевича. На секунду ему показалось, что Великий руководитель хохочет именно над ним. Интересоваться выбором значка майору не хотелось – а ну как Рэй опять съязвит, и он потеряет последнее самообладание. Энтузиазма к словесной пикировке с нетсталкером он в себе больше не чув-ствовал. «Похоже, я начинаю понимать, почему он от всех шифруется», – бросил майор в сто-рону Погодина и хрустнул суставами, разминая ладони. Видимо, чтоб избавить себя от иску-шения вслух развить эту мысль, он отошел в сторону, встал под деревом и закурил.

– Мне кажется, ваш приятель чем-то взволнован, – невинно хлопнул ресницами Рэй и воззрился снизу вверх на двухметрового Мирослава.

– Работа у него нервная, не обращайтесь внимания.

Погодин старался сохранять внешнюю серьезность, но его синие глаза искрили весельем. Эти веселые всполохи, казалось, отражались и в непроглядно черных радужках нетсталкера, хотя мимика его не выдавала эмоций.

– Так вы можете нам разобраться с тем, почему в своей предсмертной записке девочка упомянула Тихий дом? – Уточнил Погодин.

– Ну отчего же нет? Мне, признаться, и самому интересно, почему она это сделала. Если она и правда нашла его, то это небывалый прорыв, революция в нетсталкинге.

– Что нужно от нас?

– Мне нужна вся техника, с помощью которой она выходила в Интернет.

– Технику мы раздобудем, – заверил Погодин, впрочем, с некоторым сомнением поко-сившись на нервно курящего под деревом майора.

– Тогда запишите мой телефон. А сейчас, простите, мне пора.

Продиктовав номер, Рэй раскланялся и направился в сторону метро, на ходу поправляя на плече ремень от сумки. Гладкие черные волосы на встречном ветру трепетали как вороньи перья.

– Я обязательно позвоню, – пообещал Мирослав в его удаляющуюся спину.

Уровень С. Глава 2

«На ловца и зверь бежит», – подумал Замятин, заведя у ворот на Петровке знакомую фигуру. Хотя какой из него «ловец»? Скорей наоборот, это она, Лаптева, ловец, а он загнанная зверушка. Загнала она его своими психологическими атаками в такую нору, что и осмотреться страшно. Это же надо, он, майор полиции, старший оперуполномоченный, до того дошел, что разрабатывает версию детских страшилок про Интернет. Кому в МУРе сказать – поднимут на смех, и правильно сделают.

Вся эта «мистика Тихого дома» прагматичному Ивану Андреевичу была чужда и струн его души не волновала. Бред какой-то, честное слово! Некое уплотнение во всемирной интер-нет-паутине, безвозвратно затягивающее людей в свои пути. Кем надо быть, чтобы всерьез рассматривать такую версию? Разве что Мирославом Погодиным. На этой мысли Замятин

тихонько усмехнулся, но тут же снова вернул лицу серьезную мину, будто Мирослав мог каким-то образом прознать о его пренебрежительной иронии.

При всем искреннем расположении майора к Погодину последнего все же иногда заносило. Что происходит в его голове, как он мыслит, в каких витает мирах, чтобы усматривать в суровой реальности такую эфемерность, как мистика, да еще и наделять ее смыслом? Ладно Катя, маленькая девочка, еще из сказок не выросла. Ладно нетсталкер этот, тоже от горшка два вершка, да и вообще, похоже, с прибабахом (ты подумай, Рэй Менсон, на вы к нему, пожалуйста! Надо бы пробить его, кстати. А-то удумал тоже – майору с Петровки Менсоном представляться). Но Погодин-то взрослый, казалось бы, человек, а всё туда же! Однако стоит отдать ему должное, эксперт по чертовщине хоть и подвержен чудачествам, но свои плоды приносит. Справедливости ради: именно он пару лет назад помог Замятину распутать сложнейшее дело, навел на нужный след. И если совсем уж честно, то именно Погодин оказался с убийцей лицом к лицу раньше самого Ивана Андреевича*. Но какими путаными тропами блуждает его затейливая мысль, майору до сих пор было непонятно.

И вообще Замятин злился. На Лаптеву, которая все же умудрилась из него веревки свить; на Погодина, который снова услужливо открыл перед ним дверь в мир черт знает чего: «Милости просим, Иван Андреевич, берегите мозг, пожалуйста. А хотя стоит ли утруждаться?»; но прежде всего он злился на себя – за то, что поплелся за ними как телок на коротком поводу. Однако своих версий о причинах самоубийства Лизы у него не было. Точней, была одна – девочка ушла из жизни по своей воле, – но эта гипотеза никого из вышеперечисленных категорически не устраивала да и камней, накиданных Лаптевой, с души не снимала. Все дело в этой дурацкой предсмертной записке, которая не давала ответов, а ставила вопросы. Синими чернилами по белой бумаге в ней было выведено: «Тихий дом». Ни «Вася Пупкин», ни «я не могу так больше жить, прости меня, мама», а именно «Тихий дом», чтоб его! Лаптева требовала от майора ответа, что значит прощальное послание, а Погодин рвался эти ответы найти. Замятин же между ними чувствовал себя как случайно попавшая в тиски безделица – вроде и применения ему не назначено, но и на волю не вырвешься.

Лаптева, конечно, заметила его издалека. Она, будто сенсор, считывала с пространства его волну – наловчилась за такое-то время. Майор, едва повернув за угол, с Каретного на Петровку, шкурой почувствовал ее взгляд, ставший для него пыткой. Он шел по чавкающей реагентами улице и не мог понять – зябко ему от стылой мороси, сыпавшейся горчичными зернами за воротник, или от потухшего взгляда человека, чья жизнь закончилась, а сам он по случайности задержался на этом свете.

Лаптева, похоже, и не ждала уже, что он обратит на нее внимание. Смирилась с тем, что майор от бесед отлынивает, стремясь как можно быстрее миновать ее пост. Поэтому при его приближении она лишь в замешательстве переступила ногами, словно не определившись, двинуться к нему или отступить, да подтянула к подвздошью ладони, сжимающие ручки бесформенной дешевой сумки. А в глаза-то все равно заглядывает, в этом деле ничего ее не смущает.

На этот раз Иван Андреевич подошел к ней сам. Заговорил сухо, по делу, чтобы формальный обмен любезностями не поселил в ней напрасные надежды и ожидания. Построже с ней надо, человек в таком горе от нечаянной ласки совсем размякнуть может – треснет ледяная корка между ними, и хлынет на Замятина вся ее боль. Это уж совсем лишнее в их отношениях, которые и без того ему навязаны.

– Добрый день, Ирина Петровна. В общем, так, мне нужны все устройства, с которых Лиза могла выходить в Интернет. Ноутбук, телефон, планшет, если был. Всё, что есть.

Лаптева от неожиданности растерялась, будто мысли и слова в ее голове разметало внезапным сквозняком, и она не может сообразить, что первым делом подхватить в этом хаосе.

– Да, конечно, конечно, Иван Андреевич, – нашлась-таки она. – Все, что нужно, берите, что угодно. А вы...

Замятин впервые с момента их знакомства заметил в ее помертвевших глазах теплые, живые всполохи.

– Вы меня пока ни о чем не спрашивайте, я обещать вам, как и прежде, ничего не могу. Возможно, никакого толка от Лизиных гаджетов не будет, но я попробую сделать все возможное.

– Да-да, я понимаю, конечно, – заволновалась она, боясь спугнуть удачу. – Я сейчас привезу, я быстро, туда и обратно.

Она боком, с оглядкой на майора, сделала несколько шагов в сторону бульвара. Замятин поначалу и сам думал попросить ее привезти ему все необходимое на Петровку, но, посмотрев на ее изможденный вид, того и гляди в обморок рухнет, на стоптанные полусапожки, нещадно изъеденные реагентами, на жертвенную покорность, вызывавшую в нем жалость и раздражение одновременно, вздохнул:

– Я сам вас отвезу. Заодно осматрюсь еще раз свежим взглядом в Лизиной комнате.

Его «жигули», припаркованные в переулке, еще не успели остыть. Лаптева осторожно села на недовольно крикнувшее переднее сиденье, прижала к себе сумку, будто бы что-то ценное могло лежать в этом заношенном мешке, замерла истуканом, уставившись вперед невидящим взглядом. «Волнуется, – мысленно констатировал майор и снова почувствовал легкую рябь раздражения. – Ну что за человек – вечно натянутая струна. Сам рядом с ней непроизвольно напрягаешься до скрипа». Он завел мотор, машина вздрогнула и тронулась, пилить им теперь через всю Москву, на спальную окраину. Ирина Петровна молчала, сидела все так же напряженно, будто располагающая к вольготности конструкция кресла была, что называется, не про ее честь. Чтобы нарушить гнетущую тишину, Замятин сам завел разговор, лавируя в плотном трафике на своей неуклюжей колыхаге. Понятное дело, светские беседы о погоде были бы неуместны, и он задал вопрос, который уже звучал из его уст в ее адрес, ничего оригинальнее не придумал.

– Почему вы все-таки так уверены, что Лиза не могла уйти из жизни по собственному желанию? Без постороннего вмешательства?

Вопрос будто пробудил Лаптеву ото сна. Она пошевелилась, глубже угнездилась в сиденье, но все равно не позволила себе расслабиться. С ответом не торопилась, подбирала слова.

– Лиза хорошая дочь... Была. Была хорошей дочерью... Извините, никак не могу привыкнуть. Она знала, не могла не знать, какую боль это мне причинит. Она любила меня и просто не могла так поступить.

– Но, может быть, ее собственная реальная боль в какой-то момент перевесила вашу гипотетическую? – Мягко гнул свою линию Замятин, в глубине души надеясь, что Лаптева даст ему «вольную», признав смерть дочери сознательным самоубийством.

Она снова медлила. Переваривала неожиданно подброшенную мысль. По ее застывшему профилю майор не сумел определить: думала она об этом раньше и не смогла определиться с ответом или в данный момент испытывает нечто вроде озарения?

– Она ведь была совсем еще девочкой. Какая душевная боль может быть у ребенка? Она и пожить-то еще не успела, – наконец, неуверенно сказала она.

Майор уловил в ее тоне некую внутреннюю борьбу и, взглянув на собеседницу, теперь словно увидел по-новому. В ее лице раньше ему не бросалось в глаза ничего, кроме страдания, а сейчас померещилось что-то кукушечье. Продолжая смотреть поверх автомобильных крыш, она моргнула совсем по-птичьи – щелкнула веками, словно затвором фотообъектива, и снова распахнула глаза.

«Какая боль может быть у ребенка?» – Замятину было что ответить на этот вопрос, но он решил воздержаться от ликбеза. Он вспомнил свое детдомовское детство. Тогда не только деревья казались ему большими – гипертрофированным виделось все. Особенно то, что ворочалось внутри сначала бесформенной субстанции, то и дело застывшей свет солнца и зелень

травы. Субстанция все меняла очертания и формы, пока в итоге не ошетилилась дикобразными иглами, не предстала больным и злым зверем. Это было его первое ощущение мира. И уродство его не было связано с тем, что маленький Замятин успел повидать многое, а с тем, что за столь малый отрезок пути повидал только плохое. Ощущение мира в первом его воплощении вовсе не внушало Ване Замятину безоговорочной любви к жизни, оно пугало его. Хотел ли он тогда жить? Скорей воспринимал жизнь как тяжелую повинность, которая отчего-то выпала на его долю. А потом вырос, стал сильным, независимым и начал творить свою реальность сам, перестав быть ее заложником. Так было в его детстве, и он мог понять, что способно подтолкнуть ребенка на край обледенелого парапета.

– Лиза много времени проводила в Интернете? – Перевел он тему.

– В Интернете? Я не знаю наверняка. Лиза очень развитая девочка, умная. Она много времени проводила в своей комнате, часто за компьютером. Но в Интернете ли? Современные дети совсем не такие, как мы. Так много всего появилось за последнее время, мне было трудно разобраться в ее увлечениях, вникнуть как следует. Я ведь даже не знаю, как этот компьютер включать, а уж что она за ним делала... Музыку слушала, мультики эти странные японские смотрела...

– Ясно. Я, честно признаться, и сам по части современной техники не большой специалист.

– А зачем тогда вам ее ноутбук?

– Ну, во-первых, изучать ее технику буду не лично я. Есть для этого специально обученные люди. А во-вторых, именно через Интернет Лиза могла завести знакомство с сомнительными личностями. Возможно, даже слишком сомнительными.

– Вы ведь проверяли уже ее контакты в этих... социальных сетях.

– Проверяли. Мы проверяли ее переписки, но если копнуть глубже, возможно, удастся узнать что-то еще.

Оставшийся отрезок пути проехали молча. Впустив Замятина в подъезд, Лаптева поднялась на третий этаж, покопошилась в замке, распахнула дверь и пропустила майора вперед. Через мгновение за его широким плечом щелкнул выключатель и коридорный сумрак развеял желтый электрический свет. Майор, конечно, уже бывал здесь прежде, когда выяснял обстоятельства гибели Лизы. Но это было около месяца назад, и тогда жилище Лаптевых хоть и не производило впечатления идиллического семейного гнезда, но все же хранило живое тепло. Теперь же эта квартира показалась ему выстуженной и помертвевшей как каменный склеп.

– Вы хотя бы питаетесь, спите? – Рефлекторно спросил майор и осекся, зарекался же не переступать черту делового общения.

Лаптева растерялась, будто ее застучали на месте преступления. В желтом коридорном сумраке сгустилась тишина.

– Конечно, конечно, – первой очнулась она. – Извините, у меня просто не прибрано.

Немного помедлив у комнаты Лизы, она наконец толкнула дверь и вошла. Там все было так же, как месяц назад. Тот же кит с красным зобом на бледно-сиреневых обоях, так же застеленная пестрым лоскутным покрывалом кровать, стоящая изножьем к окну, и сиротливо сидящий на ней плюшевый муми-тролль с той же неуместной добродушной улыбкой. На стуле перед письменным столом у окна по-прежнему висели вещи Лизы, будто она сняла их только вчера и вот-вот наденет снова: джинсы, черная водолазка. И только черная юбка-пачка, брошенная на угол спинки стула, топорщилась многослойной сетчатой тканью будто в траурной торжественности.

Лаптева подошла к столу, неспешно и бережно, как реликвии, начала собирать вещи дочери: ноутбук, телефон, зарядки. Ожидая ее, Замятин невольно засмотрелся на фотографию в металлической рамке, которая стояла рядом с небрежной стопкой учебников.

На черно-белом снимке, местами отдающем в желтизну, рассеянно улыбалась молоденькая Ирина Лаптева. Она смотрела в объектив, словно в туманную, но прекрасную даль, и в глазах ее было то выражение, которое присуще лишь молодости. Не зря ведь даже при самой ухоженной внешности возраст женщины выдает себя во взгляде. На фото Лаптева приникла к груди мужчины, в котором Замятин без труда узнал отца Лизы. Его тогда еще густые каштановые волосы, отросшие после стрижки, лежали небрежно, шею визуально удлинял вырез расстегнутой на несколько пуговиц белой рубашки. Все в нем дышало той же молодостью, но вот взгляд был куда серьезней и острей, чем у жены. «Красивая была, наверное», – подумал майор про Лаптеву, пытаясь лучше разглядеть выцветшее изображение.

Тут Ирина Петровна развернулась к нему, передавая вещи дочери, и Замятин снова увидел перед собой ее лицо, почти такое же бесцветное, как на блеклом фото, и подумал о том, что состарилась она гораздо раньше времени.

Уровень С. Глава 3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.